81

РУССКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПОЛЬШѢ

ОЧЕРКЪ

ЭРАЗМА ПИЛЬЦА.

ВАРШАВА.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВО Н. П. КАРБАСНИКОВА
ПЕТЕРБУГГЪ. МОСКВА. ВАРШАВА. ВИЛЬНО.

1909.

усская политика въ Польшѣ

очеркъ

Эразма Пильца.

Варшава.

й складъ изданія товарищество Н. П. Карбасникова
Петербургъ. Москва. Варшава. Вильно.

1909.

Печат. въ тип. Акц. Общ. С. Оргельбранда С-вей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУКОВОДИТЕЛЯМЪ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ.

Прошло почти полъстолѣтія со времени послѣдняго возстанія. Участники его давно покинули поле политической дѣятельности или сошли въ могилу. Явились новыя поколѣнія и принесли съ собою новыя потребности, новые взгляды, новыя стремленія. Но карательная система, начатая разгромомъ 1863 года, просуществовала въ своихъ главныхъ основаніяхъ до нашихъ дней. На поляковъ въ Россіи продолжаютъ смотрѣть какъ на враговъ государства, явныхъ или тайныхъ, за которыми нужно слѣдить и которыхъ нужно остерегаться, такъ какъ всякая попытка ослабленія узъ, каждая уступка немедлено же обращается противъ государства. Нашъ языкъ почти совершенно устраненъ изъ школы и изъ всѣхъ областей общественной жизни. „Польское происхожденіе“ продолжаетъ быть чѣмъ-то въ родѣ преступленія и является само по себѣ препятствіемъ въ общественной службѣ. Репрессіи все продолжаются.

Года три—четыре тому назадъ мелькнула надежда на лучшее будущее.

Казалось, что какъ только минуетъ ужасная буря, разразившаяся надъ государствомъ, и при-

несшая—рядомъ съ глубокими потрясеніями—важныя внутреннія перемѣны, наступятъ лучшія времена также и для нашего многострадальнаго края.

Но буря прошла, а вокругъ насъ одно лишь полное экономическое разореніе и общественное разстройство. Важныя политическія выгоды, которыя принесъ 1905-й годъ: вѣротѣрпимость, упраздненіе цензуры, свобода учрежденія обществъ, свобода собраній, частная польская школа—были ограничены коррективомъ исключительныхъ положеній; польская же частная школа, лишенная правъ и не располагающая достаточными матеріальными средствами, стала предметомъ постоянныхъ нападокъ со стороны учебной администраціи, зависитъ отъ ея капризовъ и съ трудомъ отстаиваетъ свое существованіе.

Все же прочее осталось по прежному: та же подозрительность, то же самое недоброжелательство властей, та же система ограниченій и исключительныхъ мѣръ.

Это положеніе преисполняетъ глубокимъ огорченіемъ и заботой всѣхъ тѣхъ людей, которые, какъ я, работали, по мѣрѣ своихъ силъ, надъ мирнымъ разрѣшеніемъ польско-русскаго вопроса. Теперь становится совершенно очевиднымъ, что, послѣ кратковременнаго нерѣшительнаго колебанія, руководители русской политики въ Польшѣ возвращаются къ старымъ пріемамъ, на прежній, уже столько разъ испытанный и всегда оказывавшійся ложнымъ, путь, который, причиняя польскому народу громадныя бѣдствія, ничего не принесетъ и русскому государству, кромѣ новыхъ разочарованій и новой напрасной траты силъ.

Въ эту тяжелую минуту я и хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о русско-польскихъ отношеніяхъ по адресу руководителей русской политики и разсмотрѣть эти отношенія въ освѣщеніи событій послѣднихъ лѣтъ. При этомъ я позволю себѣ сослаться на нѣкоторыя обстоятельства, которыя, смѣю надѣяться, даютъ мнѣ нѣкоторую компетентность въ вопросахъ, которымъ посвящены эти страницы.

Я принадлежу къ наиболѣе умѣренной въ краѣ политической партіи,— къ той группѣ, которую прежде назвали „примирительною" („ugodową"), вслѣдствіе ея стремленія къ урегулированію отношеній польскаго народа къ русскому государству, и которая, въ сентябрѣ 1905 года, сорганизовалась въ „Партію Реальной Политики". Въ дѣятельности этой группы я всегда принималъ живое участіе.

Воспитанный въ семейной средѣ, проникнутой горячей привязанностью къ родинѣ, я укрѣпилъ свои патріотическія чувства путемъ изученія политической исторіи моего народа, а также благодаря близкимъ отношеніямъ къ группѣ выдающихся дѣятелей, во главѣ которой стоялъ скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ Владиміръ Спасовичъ. Подъ вліяніемъ этого человѣка, который не только въ своемъ собственномъ, но и въ русскомъ обществѣ игралъ выдающуюся роль, и который до конца своей жизни былъ моимъ другомъ и учителемъ, я въ 1880 году поселился въ Петербургѣ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ работать во имя великой идеи сближенія двухъ народовъ.

Мои политическіе взгляды на отношеніе поляковъ къ государству, я изложилъ впервые въ 1881 году въ рядѣ статей, опубликованныхъ въ „Голосѣ“, наиболѣе въ то время распространенной русской газетѣ, п. з. „Обрусеніе или объединеніе“. Само это заглавіе указываетъ, въ какомъ духѣ были написаны эти статьи. Исходя изъ основного положенія: „государственное единство и политическая равноправность“, я показывалъ и доказывалъ, что стремленіе правительства создать и упрочить это единство и государственную солидарность несовмѣстимо съ руссификаціей, такъ какъ одно изъ этихъ понятій исключаетъ другое.

Въ 1882 году я основалъ въ Петербургѣ журналъ „Край“, который имѣлъ большой успѣхъ и вскорѣ сталъ самымъ распространеннымъ изъ польскихъ политическихъ изданій. Въ теченіи 25 лѣтъ я проводилъ свои взгляды и убѣжденія, какъ путемъ этого органа, такъ и посредствомъ книгъ и политическихъ брошюръ, издаваемыхъ или подъ моимъ собственнымъ именемъ, или же подъ псевдонимами: Петръ Варта, Скрипторъ, Своякъ, Либеръ и др.

Всякій разъ какъ въ теченіи этого времени наступалъ трудный или важный моментъ, я поднималъ свой голосъ, чтобы освѣтить положеніе съ точки зрѣнія исповѣдуемыхъ мною принциповъ.

Когда въ 1897 году Государь Императоръ долженъ былъ впервые посѣтить Варшаву и общество усердно готовилось его привѣтствовать, я помѣстилъ въ „Краѣ“ статью: „Въ моментъ историческаго поворота“, изданную затѣмъ отдѣльною

брошюрою[1]), въ которой, припоминая подобное же посѣщеніе Варшавы Императоромъ Александромъ II въ пятидесятыхъ годахъ, я старался предостеречь моихъ соотечественниковъ отъ преувеличенныхъ надеждъ, выставляя на видъ всю трудность моментальнаго разрѣшенія сложной исторической распри. Когда же впослѣдствіи, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, всѣ надежды разсѣялись, и общество было охвачено чувствомъ унынія и огорченія, я издалъ брошюру „О настоящемъ моментѣ"[2]), въ которой старался умѣрить горечь разочарованія, указывая, и, какъ въ послѣдствіи оказалось, преувеличивая признаки нѣкотораго доброжелательства со стороны правительства.

Въ 1899 году редакція „Края" устроила въ Петербургѣ польское чествованіе Пушкинской годовщины. Оно состоялось при весьма торжественной обстановкѣ, не смотря на протесты и угрозы крайнихъ непримиримыхъ элементовъ, черпавшихъ свою силу и аргументы въ руссификаціонной системѣ правительства. Это былъ великій праздникъ славянской взаимности, въ которомъ приняли участіе наиболѣе авторитетныя польскія учрежденія, выдающіеся общественные дѣятели, оба польскіе университеты (во Львовѣ и Краковѣ), краковская Академія наукъ, ученыя, литературныя и художественныя общества и т. п.[3])

---

[1]) „Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ". Три статьи ПетраВарты (Э. Пильца), пер. съ польскаго. Петербургъ 1897 г.

[2]) Piotr Warta „O chwili obecnej". (Петръ Варта „О настоящемъ моментѣ") Петербургъ 1898 г.

[3]) Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина. С.-Петербургъ. 1899.

Въ 1902 году, для ознакомленія русскаго общества съ положеніемъ дѣлъ въ нашемъ краѣ, мною была издана, при участіи В. Д. Спасовича, книга на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ“[1]) заключающая рядъ статей о насущныхъ потребностяхъ нашего края.

Развивающееся среди польской молодежи, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, политическое броженіе побудило меня издать заграницей книгу „Наша молодежь“[2]) (1902 г.), въ которой я представилъ всю опасность политиканства молодежи.

Еще сильнѣе безпокоила насъ, людей умѣреннаго образа мыслей, т. н. „всепольская“ агитація, развивавшаяся въ то время заграницею и стремившаяся, какъ казалось, охватить и Царство Польское. Это побудило меня издать книгу (1903 г.), п. з. „Наши крайнія партіи“,[3]) въ которой, съ документами въ рукахъ, я вывелъ это дѣло на судъ общественнаго мнѣнія, осуждая игру съ огнемъ и указывая на опасность, могущую возникнуть для края. Къ счастію, мои опасенія относительно развитія этого движенія въ революціонномъ направленіи не оправдались.

Послѣ первыхъ неудачъ русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ (1904), желая установить надлежащую точку зрѣнія польскаго общества, я издалъ брошюру „По поводу войны“,[4]) въ которой

---

[1]) „Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ“. С-Петербургъ. 1902. стр. 251.

[2]) Scriptor. „Nasza Młodzież“, Kraków. 1902. стр 189.

[3]) Scriptor. „Nasze stronictwa skrajne“. Kraków. 1903. стр. 378.

[4]) Swojak. „Wobec Wojny.“ (Своякъ. „По поводу войны“). Kraków. 1904. стр. 58.

стараясь выяснить, какова должна быть роль поляковъ въ борьбѣ государства съ внѣшнимъ врагомъ, я доказывалъ, что пораженіе Россіи должно отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на положеніи Царства Польскаго, и, напоминая, что на полѣ битвы обильно льется польская кровь, я предостерегалъ какъ отъ опасности сойти съ пути спокойствія, такъ и отъ чрезмѣрныхъ и обманчивыхъ надеждъ.

Исходъ японской войны не поколебалъ меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Въ написанныхъ мною „Итогахъ“ [1]) послѣдняго революціоннаго періода, я изложилъ его печальный балансъ и указалъ на всѣ ошибки, сдѣланныя поляками въ періодъ русскаго общественнаго движенія.

Я дѣлаю эти ссылки единственно съ цѣлью выяснить и указать, въ какомъ направленіи шла моя политическая и публицистическая дѣятельность. Въ ея основѣ лежало глубокое убѣжденіе, что урегулированіе на началахъ справедливости нашихъ отношеній къ русскому государству лежитъ въ обоюдныхъ интересахъ и ранѣе или позднѣе должно неминуемо наступить. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта дѣятельность была проникнута заботою, чтобы политическій гнетъ съ одной стороны и съ другой агитація крайнихъ элементовъ, которую онъ неизбѣжно влечетъ за собою, не выводили общества изъ равновѣсія и не ослабляли его силъ.

Но работа во имя этой руководящей идеи не была ни легка, ни благодарна. Все, что происхо-

---

[1]) S. W. L. „Obrachunek“ (С. В. Л. „Итоги“ Познань) 1908.

дило въ Польшѣ, повидимому, обезцѣнивало провозглашаемыя нами идеи. Русская политика, стремящаяся къ обезсиленію и денаціонализаціи польскаго народа, была какъ-бы нарочно разсчитана на то, чтобы искоренить въ польскихъ умахъ всякую мысль, всякую надежду на достиженіе лучшаго будущаго въ единеніи съ Россіею. Тѣ, которые, подобно мнѣ, даже въ самыя тяжелыя времена не утратили этой надежды и призывали къ разсудку, спокойствію и трезвости, подвергли себя самымъ тяжелымъ обвиненіямъ со стороны огорченнаго и раздраженнаго общественнаго мнѣнія. Смѣю утверждать, что никто сильнѣе и больнѣе меня не испыталъ на себѣ результатовъ этого настроенія. Слишкомъ двадцать лѣтъ моей жизни протекло въ борьбѣ, которую я вынужденъ былъ вести, жертвуя личнымъ спокойствіемъ и счастіемъ.

Во всемъ этомъ я усматриваю дорогою цѣною купленное право высказаться по польскому вопросу передъ русскими руководящими сферами съ такою же искренностью и откровенностью, съ какими я всегда выступалъ въ данномъ случаѣ и передъ своимъ обществомъ.

Эразмъ Пильцъ.

Варшава, Февраль 1909 г.

Старые счеты.

I.

Двѣ мотивировки обрусительной системы. Понятіе этой системы въ видѣ репрессіи: вы враги, слѣдовательно вы должны быть угнетаемы! Кажущееся противорѣчіе въ поведеніи польскаго общества. Какъ разрѣшить проблему? Методъ нашего изслѣдованія. Причины и слѣдствія. Психологія перваго періода польской борьбы за возстановленіе независимости.

Примѣняемая въ Царствѣ Польскомъ система обосновывается съ русской стороны двояко:

1) *необходимостью реагировать на враждебное поведеніе поляковъ по отношенію къ русскому народу и государству;*

2) *требованіями государственной политики, которая должна быть осуществляема независимо отъ того или иного поведенія поляковъ.*

О требованіяхъ и принципахъ государственной политики я поговорю въ концѣ моего труда; нынѣ же я ограничусь разсмотрѣніемъ первой категоріи мотивовъ, все существенное содержаніе которыхъ, весь смыслъ и вся аргументація сводятся къ одному слову: репрессія.

Самой обыкновенной формой обвиненія, направленнаго противъ насъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ защиты методовъ управленія въ Польшѣ является слѣдующее разсужденіе:

— Вы дѣлали возстанія и заговоры, вы непрерывно боролись съ государствомъ, вы заключали союзы съ его врагами, вы стремились къ отложенію. Когда наступила большая и неудачная для насъ война, а за нею революція, вы вели себя враждебно. Русская политика по отношенію къ вамъ является только естественнымъ противодѣйствіемъ. Мы защищаемся и обезпечиваемъ себя. Намъ необходимо ослаблять и истощать васъ, ибо вы угрожаете спокойствію и цѣлости государства.

Болѣе простаго и незамысловатаго объясненія явленій въ области отношеній между народомъ и государствомъ придумать нельзя. Но такое разсужденіе можетъ удовлетворить лишь того, кто считаетъ нынѣшнее положеніе въ Польшѣ нормальнымъ и для Россіи полезнымъ, а всякую въ немъ перемѣну нежелательною. Всякій споръ съ такими людьми являлся бы тщетнымъ. Но кому ясно, что интересъ государства не въ томъ, что бы на значительной части его организма гноилась вѣчно открытая, не заживающая рана, тотъ долженъ отказаться отъ этого изумительно простаго толкованія явленій и попытаться найти иное объясненіе и разрѣшеніе вопроса.

На первый взглядъ, мы имѣемъ передъ собою одну изъ удивительнѣйшихъ загадокъ: польское общество рѣшается на открыто враждебныя дѣйствія по отношенію къ Россіи, затѣмъ оно само же при-

знаетъ вредность этихъ дѣйствій для себя и опять совершаетъ тѣ же или такія же ошибки.

Польская политическая литература въ настоящее время сознаетъ вполнѣ ясно, какъ великъ вредъ какой мы сами себѣ причиняли въ теченіи XIX ст., отвергая благопріятныя для края конъюнктуры и вмѣсто этого хватаясь за оружье, подымая возстанія. Каждый такой порывъ окончивался пораженіемъ, потерею крови, уменьшеніемъ силъ и правъ. Нѣтъ въ Польшѣ политически мыслящаго человѣка, который бы не сознавалъ, что это были съ польской стороны роковыя ошибки. Равнымъ образомъ и ошибки новѣйшаго, послѣдняго періода нынѣ уже выяснились для значительнаго большинства польскаго общества. Это большинство понимаетъ, что школьная забастовка была ложнымъ шагомъ, ибо она прежде всего лишила насъ высшихъ учебныхъ заведеній, что путь т. наз. „фактическаго осуществленія правъ“ былъ ложенъ, что нервная, ультраоппозиціонная дѣятельность въ I и II Думахъ обострила отношенія между государствомъ и польскимъ обществомъ, что она нетолько повлекла за собою уменьшеніе количества польскихъ депутатовъ, но также повліяла на усиленіе репрессій въ разныхъ областяхъ національной жизни.

Чѣмъ объяснить это противорѣчіе между совершеніемъ ошибокъ и ихъ сознаніемъ?

Охваченъ ли нашъ народъ какимъ то инстинктомъ самоубійства, какою то маніею причиненія себѣ страданій, пусканія себѣ крови, нетолько безъ всякой для себя пользы, но даже наоборотъ, съ очевиднѣйшимъ вредомъ для своего существованія, своей силы, своего будущаго?

Можно ли приписывать такое умопомраченіе польскому народу, народу способному, интелигентному, патріотическому, народу, который свое нравственное здоровье и свои умственныя качества доказываетъ творческимъ трудомъ, трудомъ который онъ, не смотря иа неблагопріятныя условія, развиваетъ во всѣхъ сферахъ культурной жизни?

Разъясненія загадки надо искать не тамъ. Ее разгадаетъ только тотъ, кто къ вопросу подойдетъ не иначе, какъ со спокойствіемъ врача, стремящегося узнать источники болѣзни и съ безпристрастіемъ историка, понимающаго, что каждый историческій фактъ необходимо разсматривать въ связи съ иными фактами, какъ послѣднее звено цѣпи въ цѣломъ ряду причинъ и слѣдствій.

Непониманіе этой истины, непониманіе метода, которымъ необходимо пользоваться при изслѣдованіи и обсужденіи польско-русскихъ отношеній, столь трагически сложившихся и запутанныхъ, я считаю главнымъ препятствіемъ для ихъ правильной оцѣнки и урегулированія. Отъ этой ошибки не свободна ни одна сторона. И у насъ, въ крайнемъ лагерѣ нашей политической литературы, есть публицисты, всю свою философію строящіе на фактахъ текущаго момента, не стремящіеся связать ихъ ни съ какими предшествовавшими. Они говорятъ о гнетѣ, подъ которымъ народъ задыхается, и умалчиваютъ о нашихъ ошибкахъ, какъ будто ихъ и вовсе никогда не бывало. Вся система появляется тутъ какъ deus ex machina, какъ изліяніе стихійной ненависти, противъ которой точно также ничего не подѣлаешь, какъ противъ мессинской

катастрофы. Ту-же роковую ошибку совершаютъ, не въ меньшой степени, и русскіе: историки, публицисты, а въ особенности политики. Для нихъ существуютъ только враждебныя явленія. Откуда эти явленія произошли — это ихъ не интересуетъ.

Я думаю, что, съ точки зрѣнія высшихъ государственныхъ интересовъ, при разслѣдованіи и оцѣнкѣ польско-русскихъ отношеній, слѣдуетъ пользоваться именно методомъ безпристраснаго исканія причинной связи отдѣльныхъ фактовъ. Съ помощью этого метода я постараюсь доказать, что причина раздраженія польскаго народа, его порывовъ, его „политики нервовъ", столь убійственной для него самаго, лежитъ не въ самомъ польскомъ народѣ, не въ его характерѣ, а въ созданныхъ самимъ государствомъ условіяхъ его жизни.

Устранимъ изъ нашего обсужденія вопросъ о подавленіи вооруженныхъ движеній, о борьбѣ съ революціонными дѣйствіями и противогосударственными стремленіями. Всякое государство имѣетъ на это право, и ни одно, чувствующее свою силу, отъ этого права не откажется.

Подавленіе польскихъ возстаній было неизбѣжно. Объ этомъ нечего и спорить.

Дѣло не въ томъ.

Не становится-ли, при разсмотрѣніи исторіи лѣтъ, предшествовавшихъ 1863 году, очевиднымъ, что возстаніе было результатомъ условій, въ которыхъ находилось польское общество? Было-ли

послѣ его подавленія, дробящее колесо репрессій остановлено въ надлежащій моментъ и на надлежащемъ мѣстѣ? Не была ли отвѣтственность перенесена на поколѣнія, которыя въ этихъ событіяхъ непосредственнаго участія не принимали и нести за нихъ отвѣтственности не должны? Исключительно ли государственный интересъ былъ руководящимъ факторомъ при усмиреніи края? не былъ ли удовлетворяемъ инстиктъ мести, нерѣдко и ко вреду государства? Наконецъ—что самое важное —послѣ ликвидаціи прошлаго, когда на его развалинахъ пришлось организовать отношеніе края къ государству на новыхъ основаніяхъ—имѣла ли русская политика въ виду высшія государственныя цѣли и что она сдѣлала для того, чтобы не дать возникнуть новому воспалительному состоянію, чтобы предупредить дальнѣйшее хроническое повтореніе броженія, которое никоимъ образомъ не могло составлять интересъ государства?

Вотъ что слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть при разслѣдованіи польскато вопроса въ его нынѣшней формѣ.

Возстанія и заговоры—это, казалось бы, уже дѣло исторіи, всецѣло подлежащее исторической критикѣ. Но подъ перьями русскихъ публицистовъ оно живо до сихъ поръ и сохраняетъ всю свою „жгучесть", не смотря на дальность лѣтъ и поколѣній. Русская политика санкціонируетъ эту „жгучесть"; она до сихъ поръ пользуется ею для своихъ цѣлей. Поэтому мы должны включить въ кругъ нашихъ изслѣдованій и этотъ вопросъ.

Польша потеряла свою независимость прежде всего потому, что она не съумѣла перестроиться на ладъ современнаго государства, не съумѣла защитить себя отъ притязаній своихъ сосѣдей. Въ ея защиту можно привести развѣ то, что во второй половинѣ XVIII столѣтія почти всѣ государственныя организаціи на европейскомъ континентѣ переживали острый внутренній кризисъ, перерождались и внутренно видоизмѣнялись, и что, въ моментъ своей агоніи, Польша, ущемленная, но еще независимая, собрала все таки силы для великаго политическаго акта и въ конституціи 3 мая создала планъ важной либеральной и прогрессивной политической реформы.

Третій раздѣлъ былъ какъ бы ударомъ грома, который озарилъ умы и освѣжилъ атмосферу. Новое поколѣніе, созрѣвавшее въ моментъ страшной катастрофы, проснулось въ ужасѣ. Встрепенулась національная совѣсть, возгорѣлась любовь къ отечеству, и этотъ процессъ выразился въ борьбѣ во имя государственной независимости такъ какъ государство въ то время отождествляли съ народомъ. Эта борьба была возрожденіемъ польской души.

Что бы ни приходилось сказать, съ точки зрѣнія трезвой политики, объ обояніи Наполеона, подъ которымъ находились въ свое время поляки, о томъ, что конституція 1815 г. не была въ достаточной мѣрѣ использована, надо всетаки помнить, что народъ, прожившій столько вѣковъ политическаго могущества, не могъ сразу примириться съ потерею независимости и не хотѣлъ сложить оружія, пока не выпустилъ послѣдняго заряда; надо помнить,

что, хотя всѣ порывы и были, съ политической точки зрѣнія, нетолько тщетны, но и пагубны, такъ какъ они толкали народъ по наклонной плоскости внизъ, лишая его остатковъ государственности и политической самостоятельности, однако народъ, какъ народъ, вышелъ все-таки изъ этой бури съ нравственной пользой для себя, возродился и облагородился, опять проникся патріотизмомъ и сталъ готовъ къ жертвамъ, способенъ приносить все на алтарь отечества: словомъ, онъ обрѣлъ въ себѣ тѣ качества, недостатокъ которыхъ повелъ за собою внутреннее разложеніе польскаго государства и его паденіе. Высшимъ выраженіемъ польскаго возрожденія былъ расцвѣтъ великой эмиграціонной поэзіи, которою по сіе время живетъ польскій народъ. Благодаря этому возрожденію, польскій народъ пережилъ слишкомъ столѣтнее испытаніе, до того тяжелое, что его нельзя сравнить съ долею ни одного изъ народовъ, судьба которыхъ извѣстна намъ изъ исторіи.

II.

1863 годъ. Что ему предшедствовало? Закрытіе источниковъ просвѣщенія въ краѣ и расцвѣтъ эмиграціонной литературы. Польша и „молодая Европа". Реформы 1862 года. Почему онѣ не привели къ цѣли. Политика правительства подготовила въ теченіи тридцати лѣтъ горючій матеріалъ для новаго возстанія. Ошибки при введеніи реформъ.

Послѣдніе заряды разстрѣляны полъ столѣтія тому назадъ.

1863-ій годъ былъ послѣднею судорогою тоски по утраченномъ раѣ независимости.

Съ политической точки зрѣнія и съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ, не использовать реформы 1861—62 гг. было, конечно, легкомысліемъ, а вооруженное возстаніе—безуміемъ, которое становится понятнымъ лишь тогда, когда мы, путемъ выше указаннаго историческаго метода, подробно разсмотримъ ту атмосферу, въ которой жили и росли поколѣнія застигнутыя 1863 годомъ.

Суровый Николаевскій режимъ (1831—55 гг.) придавилъ усмиренную польскую провинцію безконечно тяжелѣе и больнѣе, чѣмъ самое Россію, ибо, кромѣ политической реакціи, общей для всего государства, въ Царствѣ Польскомъ господствовала суровая и неумолимая національная репрессія.

Просвѣщеніе было сведено къ необходимому минимуму и разсматривалось какъ неизбѣжное зло. Въ извѣстной докладной запискѣ, представленной Императору Александру II въ 1864 г., статсъ-секретарь Милютинъ, „реформаторъ Царства Польскаго", такъ охарактеризовалъ условія, въ которыхъ воспитывалось общество до возстанія 1863 г.:

„Когда мятежъ 1831 года былъ подавленъ, правительство „рѣшилось воспользоваться общественнымъ образованіемъ, какъ „средствомъ для упроченія въ Царствѣ законной власти и для „возможнаго сліянія двухъ народностей, русской и польской. „Сущность тогдашней системы правительства заключалась въ „слѣдующемъ: распространеніе и развитіе высшаго образованія „въ предѣлахъ Царства признавалось дѣломъ небезопаснымъ, „какъ открывающимъ доступъ революціоннымъ идеямъ. Вслѣдствіе этихъ опасеній, правительство, послѣ закрытія варшавскаго университета въ 1831 году, въ продолженіе 25 лѣтъ не „допускало въ Царствѣ Польскомъ ни одного высшаго учебнаго „заведенія, ни общеобразовательнаго, ни спеціальнаго. Вмѣстѣ „съ тѣмъ, постепенно уменьшалось и число среднихъ учебныхъ „заведеній. Въ 1830 году было въ Царствѣ 15 гимназій, въ 1833 „году сохранено 11, а въ исходѣ сороковыхъ годовъ осталось

„всего семь. Въ 1851 году право поступать въ гимназіи было „предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ. Въ „первоначальномъ образованіи также не обнаружилось доста-„точнаго развитія. Результаты всей этой тридцатилѣтней си-„стемы, по общему сознанію, не оправдали ожиданій. Уровень „образованія значительно упалъ; поколѣніе, воспитанное послѣ „1830 года, по несомнѣнному свидѣтельству всѣхъ знающихъ „край, невѣжественнѣе прежняго поколѣнія и, въ то же время, „гораздо хуже его въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ „враждебнѣе. Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему обра-„зованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе „въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали про-„сторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣй-„ствуетъ на людей полуобразованныхъ“.

Всякая общественная дѣятельность сдѣлалась невозможною. Польская литература была вынуждена эмигровать и заграницей, лишенная родной почвы и утерявъ связь съ реальной жизнью, она тѣмъ глубже уходитъ въ область мечты. Произведенія этой литературы на родинѣ цѣнились тѣмъ выше, чѣмъ труднѣе было достать ихъ, тѣмъ болѣе, что чтенье ихъ стало весьма опаснымъ. На чужбинѣ она сдѣлалась въ высшей степени революціонною, а въ родной край она просачивалась потому, что здѣсь не допускалось развитіе чего бы то ни было, что для польскаго духа представляло бы менѣе „ядовитую“ умственную пищу.

Наступила перемѣна царствованія (1855), въ Россіи начались серіозныя, глубокія реформы. Польша услыхала суровое предостереженіе „point de rêveries“. Гнетъ, со смертью Паскевича и назначеніемъ кн. Горчакова въ намѣстники Царства Польскаго, ослабѣлъ, но никакія болѣе серіозныя перемѣны въ политическомъ устройствѣ края не произошли. Между тѣмъ эмигрантамъ было разрѣшено вернуться съ запада а ссыльнымъ съ во-

стока. Въ душную польскую атмосферу первые изъ нихъ внесли свѣжее и возбуждающее вѣяніе національнаго движенія, какъ результатъ политики Наполеона III, отголоски революціонныхъ лозунговъ „молодой Европы", отзвуки возрожденія Италіи. Варшава закипѣла а за нею и весь край. Въ уличныхъ демонстраціяхъ начала разряжаться энергія, не находящая для себи другаго исхода. Все выше и выше вздымались угрожавшія все затопить волны.

Тогда русское правительство, по совѣтамъ маркиза Велепольскаго, государственнаго дѣятеля въ большомъ масштабѣ, начало, сравнительно очень поспѣшно, вводить реформы, основательно измѣнявшія положеніе края.

Онѣ не произвели уже, къ сожалѣнію, никакого впечатлѣнія, не успокоили умовъ, не удержали грозы уже надвигавшейся.

Возбужденіе охватило все общество и приняло до того стихійный характеръ, что даже „центральный комитетъ" (тайное національное правительство) оказался безсильнымъ и, вопреки своему убѣжденію, былъ вынужденъ объявить возстаніе, хотя и считалъ его преждевременнымъ и лишеннымъ серьезныхъ шансовъ на успѣхъ. Такимъ образомъ произошло то, что пламя охватило весь край, что даже консерваторы, потерявъ почву подъ ногами, ухватились за послѣднее, отчаянное средство спасенія и, какъ генералъ Хлопицкій въ 1830 г., просоединились къ движенію, надѣясь имъ овладѣть.

Все это объясняется вышеприведеннымъ изложеніемъ условій, въ которыхъ воспитывалось поко-

лѣніе, выросшее послѣ 1831 года. Воспитательницею этого поколѣнія была государственная политика, которая въ теченіе 30 лѣтъ работала надъ тѣмъ, чтобы, послѣ пережитаго потрясенія, страна не пришла въ равновѣсіе, которая, по свидѣтельству Н. А. Милютина, въ теченіе 30 лѣтъ подготовляла почву для новаго взрыва.

Мѣсяцы реформъ не могли исправить то, что сдѣлали годы репрессіи, и, какъ выражается одинъ изъ нашихъ политическихъ писателей: „порохъ былъ заготовленъ — оставалось только подложить его подъ курокъ и кремень, но даже это не было необходимо: разбросанные по краю фитили могли воспламениться отъ церковной свѣчи, отъ сальной свѣчки въ комнатѣ студента, отъ искры въ кузницѣ“. Реформы приходили, не какъ разумные, послѣдовательные, спокойные и зрѣлые акты, обдуманные государственными мужами, убѣжденными въ ихъ необходимости и полезности, но какъ акты спорадическіе, какъ средства, нѣкоторымъ образомъ полицейскія, для усмиренія уличныхъ безпорядковъ. Онѣ давались въ „послѣдній моментъ“, съ подчасъ лихорадочною торопливостью, иногда по телеграфу, не взирая на то, что все это сообщало имъ не столько характеръ добровольныхъ уступокъ, сколько прямо таки деморализующій видъ исторгаемыхъ и добытыхъ силою вольностей.

Проводимая такимъ способомъ реформа системы не могла охладить воспламенныхъ головъ, разгоряченныхъ агитаціею въ краѣ, возбужденныхъ безпрестаннымъ подстрекательствомъ изъ заграницы. Въ реформахъ онѣ видѣли лишь признаки слабости правительства. Эти реформы не убѣждали

даже людей старшаго поколѣнія, болѣе опытныхъ и зрѣлыхъ; въ торопливыхъ дѣйствіяхъ правительства они не видѣли искренности. И именно эти, сами по себѣ столь цѣнныя, реформы содѣйствовали поддержанію революціоннаго движенія. Какъ это ни непонятно должно показаться теперь тѣмъ, кто не вникаетъ ни въ суть дѣла ни въ глубь человѣческой души, — однако это было такъ (и развѣ это единственный случай въ исторіи?) и такъ должно было быть по необходимости; плохо и слишкомъ поздно сдѣланныя уступки лишь убѣждали революціонеровъ въ томъ, что они находятся какъ разъ на самомъ вѣрномъ пути.

Пятнадцать мѣсяцевъ потребовалось для того, чтобы потушить пожаръ, горючій матеріалъ для котораго собирался въ теченіе тридцати лѣтъ.

Національное движеніе.

III.

Національно-революціонное движеніе послѣдняго времени. Отъ Польской Лиги (1886) до національно-демократической партіи (1896). Программа 1893 г. Заключающаяся въ этой программѣ теорія независимости и отношеніе національной демократіи къ войнѣ и внутренней анархіи: рѣшительное осужденіе революціи. Новая программа 1903 г., признаніе государственнаго единства.

Теперь слѣдуетъ намъ разсмотрѣть новѣйшее обвиненіе, касающееся отношенія поляковъ къ японской войнѣ и къ тѣмъ внутреннимъ потрясеніямъ, которыя Россія пережила въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Такъ какъ всѣ элементы, создавшіе въ Польшѣ соціальную революцію въ 1904, 1905 и 1906 годахъ, находились въ явной связи и общности съ русскимъ соціально-революціоннымъ движеніемъ, — такъ какъ всѣ наши соціалистическія партіи, дѣйствовавшія въ Царствѣ Польскомъ—нетолько еврейскій „Бундъ“ и космополитическая „Соціаль-Демократія“, но и „Польская Соціалистическая Пар-

тія“ со своимъ програмнымъ идеаломъ “польской народной республики“,—шли всегда въ разрѣзъ съ интересами, стремленіями, вѣрованіями и волею польскаго общества и боролись со всѣмъ, что не было пролетаріатомъ; такъ какъ, съ другой стороны, польское общество въ громадномъ своемъ большинствѣ отреклось отъ всякой солидарности съ соціально-революціоннымъ движеніемъ и противодѣйствовало ему всѣми силами, какими только могло располагать, — то и отвѣтственность за дѣятельность разныхъ соціалистическихъ партій не можетъ ни въ какомъ случаѣ падать на польское общество. И дѣйствительно, никто на него этой отвѣтственности и не возлагаетъ. Къ отвѣтственности привлекается лишь національно-революціонное движеніе и предполагаемая его вдохновительница и руководительница: партія Народовой Демократіи. Это обвиненіе формулировано даже оффиціально, такъ какъ въ мотивахъ введенія въ Царствѣ Польскомъ военнаго положенія въ 1905 году указано совершенно ясно на національно-политическое движеніе, какъ на причину репрессій.

Все то, что мнѣ придется здѣсь высказать о національно-радикальномъ движеніи въ Царствѣ Польскомъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ подлежать подозрѣнію въ пристрастіи съ моей стороны. Въ числѣ противниковъ всепольской организаціи и Народовой Демократіи я имѣлъ честь фигурировать всегда на первомъ планѣ. Всею силою моихъ политическихъ убѣжденій я оспаривалъ ихъ теоріи и боролся съ ихъ дѣятельностью. И въ арсеналѣ средствъ, служившихъ когда либо для устраненія

неудобнаго противника, врядъ-ли найдется такое— болѣе или менѣе правильное, которое не былобы на мнѣ испытано. И наконецъ, не смотря на перемѣны, происшедшія въ возрѣніяхъ и тактикѣ народовой Демократіи, какъ меня, такъ и вообще политическую группу, къ которой я принадлежу, отдѣляетъ отъ нея различіе взглядовъ на многіе принціальные вопросы.

И не смотря на все это, и, можетъ быть, именно поэтому, я считаю себя вправѣ указать на ошибочность нѣкоторыхъ взглядовъ, укоренившихся въ русскомъ общественномъ мнѣніи, какъ относительно причинъ и источниковъ возникновенія „всепольскаго движенія“, такъ и относительно эволюціи, происшедшей въ программѣ и тактикѣ „Народовой Демократіи“ [1]).

Тайная политическая агитація въ національномъ духѣ началась около 1886 года. Ее вела университетская молодежъ, прошедшая Апухтинскую школу. Движеніе приняло болѣе широкіе размѣры съ того момента, когда варшавскій журналъ, около котораго группировались главные руководители („Głos)“, былъ закрытъ (1894 г.) и многіе изъ вожаковъ были арестованы или же, во избѣжаніе преслѣдованій, уѣхали заграницу. Тогда и руководство движеніемъ ушло за границу, и центры его образовались въ Краковѣ, во Львовѣ и въ Швейцаріи.

---

[1]) Партія „Народовой Демократіи“ называлась въ первый періодъ своего существованія (1898 — 1904) „всепольскою“ отъ заглавія заграничнаго своего органа „Всепольское Обозрѣніе“, основаннаго во Львовѣ въ 1895 году.

Первыя проявленія этого движенія въ Царствѣ Польскомъ были весьма ничтожны. Кружокъ, называвшій себя „Польской Лигой“, поставилъ себѣ сначала довольно скромную программу: „пробужденіе духа“ при помощи электризующихъ массы польскаго общества торжественныхъ празднованій годовщинъ великихъ событій польской исторіи. Въ то время наступали какъ разъ столѣтія конституціи 3-го мая (1791), втораго и третьяго раздѣловъ Польши (1793, 1795), заговора Килинскаго (1794), возстанія Косцюшки (1794). Молодые агитаторы задались цѣлью вывести общество изъ „оцѣпененія апатіи“, доказывали необходимость „народнаго траура“, стараясь въ историческіе дни устраивать демонстративныя шествія по городу (въ Варшавѣ) и т. д. Всѣ эти возванія къ демонстраціямъ не находили сочувственнаго отклика въ краѣ. Имъ сочувствовала только университетская и школьная молодежъ и очень небольшая часть молодыхъ энтузіястовъ изъ интелигентной среды. Національный трауръ не имѣлъ успѣха. Демонстративныя попытки встрѣтили единомышленное осужденіе со стороны всей варшавской прессы, органы которой обнародовали тогда тождественное сообщеніе; въ этомъ сообщеніи упоминалось о „горячихъ сердцахъ и слабыхъ головахъ“. Это вызвало сильное негодованіе среди молодежи и нападенія на редакторовъ. [1])

---

[1]) Въ прокламаціи (Ноябрь 1891 г.), призывающей къ національному трауру, протестъ редакцій варшавскихъ журналовъ былъ названъ „низкою трусостью и подчиненіемъ притѣснителямъ“.

Формально Народово-Демократическая партія была основана въ 1896 году, но она окрѣпла и широко развилась только послѣ 1897 года, когда, вслѣдствіе чувствительнаго и оскорбительнаго разочарованія, испытаннаго польскимъ обществомъ послѣ громадной манифестаціи въ видѣ привѣтствія Императорской четы въ Варшавѣ (этому моменту, чрезвычайно важному въ исторіи послѣднихъ лѣтъ русско-польскихъ отношеній, я посвящаю отдѣльную главу этой книги) было совершенно подорвано вліяніе умѣренной партіи („угодовцевъ"), взявшей на себя починъ торжественной встрѣчи Государя. „Всеполяки" весьма искусно воспользовались тѣмъ, что ряды умѣренной партіи были разбиты, и тотчасъ же принялись за агитацію въ широкихъ размѣрахъ среди всѣхъ слоевъ общества. На этотъ разъ они, нужно сознаться, нашли весьма удобную для себя почву, такъ какъ въ обществѣ стало господствовать убѣжденіе, что путь указываемый угодовцами не ведетъ къ цѣли.

И вотъ съ 1898 года начинается все болѣе успѣшный ростъ Народовой Демократіи, которою руководила тайная организація такъ называемой „Національной Лиги", преобразованной изъ прежней „Польской Лиги". Начинается чрезвычайно энергическая дѣятельность среди сельскаго населенія Царства Польскаго, не ограничивающаяся уже одними только просвѣтительными цѣлями, но имѣющая цѣлью пробужденіе политическаго сознанія въ націоналистическомъ духѣ. Съ этою цѣлью партія издавала въ Краковѣ народную газету „Polak" и разныя другія изданія и разсылала все

это черезъ своихъ агентовъ по всему Царству въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ.

Въ 1903 году Народово-Демократическая партія обнародовала въ новой редакціи свою программу, суть которой заключалась въ слѣдующемъ:

—Народъ можетъ вполнѣ развивать свою жизнь только въ собственномъ, независимомъ государствѣ. Мы поэтому являемся партіею независимости, но мы понимаемъ, что въ настоящій моментъ не можетъ быть рѣчи ни о возстаніи, ни даже о какомъ бы то ни было матеріальномъ приготовленіи къ нему. Мы, слѣдовательно, должны только добиться возможности полнаго національнаго развитія во всѣхъ частяхъ Польши.

Не смотря на громкіе лозунги и торжественныя фразы программы, никто у насъ не вѣрилъ, чтобы партія „Народовой Демократіи“ была на самомъ дѣлѣ революціонною и стремилась къ вооруженному возстанію. И мы, „реалисты“, борясь съ нею, упрекали ее не въ реальномъ стремленіи къ отторженію Царства Польскаго отъ Россіи, но въ томъ, что въ своихъ органахъ, изданіяхъ и прокламаціяхъ, разсуждая постоянно о независимости, хотя бы весьма отдаленной, Народная Демократія создавала полный хаосъ въ понятіяхъ и, что всего важнѣе, давала всѣмъ недругамъ польскаго народа отличное оружіе противъ насъ и поводъ или предлогъ къ новымъ репрессивнымъ мѣропріятіямъ.

Что таковъ былъ дѣйствительный характеръ народово-демократической организаціи, это доказалъ 1904 годъ.

Тогда пробилъ въ дѣйствительности „великій историческій часъ“. Война началась сразу большой и унизительной катастрофой. Наступило ослабленіе правительственной власти въ краѣ,—что доставило возможность вождямъ Народовой Демократіи перенести центръ дѣятельности въ Варшаву и дѣйствовать почти открыто.

Казалось, наступилъ моментъ, о которомъ мечтали они. Судя по тому, что гласили и предсказывали органы Народ. Демократіи, можно было ожидать, что она тотчасъ же станетъ призывать, если не прямо къ вооруженному возстанію, то, во всякомъ случаѣ, къ террористическо-политическимъ дѣйствіямъ съ цѣлью полной „дезорганизаціи правительственной власти“, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимали и исполняли соціалисты.

Но эти ожиданія не сбылись. „Народовая Лига“, стоявшая еще тогда во главѣ народово-демократическаго движенія, обнародовала въ самомъ началѣ войны воззваніе въ ярко патріотическомъ и противуправительственномъ тонѣ, но положительно направленное противъ возстанія и всякаго возбужденія къ какимъ бы то ни было актамъ насилія [1]. Въ іюнѣ и октябрѣ того же года поя-

[1] „Лига“ предостерегаетъ противъ предположеній, что неудачная „война“ можетъ вызвать какія либо касающіяся насъ измѣненія въ картѣ Европы“, умоляетъ, дабы „ни одна капля польской крови не была пролита въ безъцѣльныхъ и легкомысленныхъ попыткахъ“, которыя могутъ вызвать провокаторы или „наши собственные незрѣлые элементы“.

вились новыя прокламаціи Національной Лиги, призывающія къ спокойствію, сохраненію равновѣсія, къ избѣжанію необдуманныхъ выходокъ. Когда соціалисты начали было агитацію съ цѣлью насильственнаго воспрепятствованія мобилизаціи, Лига обнародовала возваніе (апрѣль 1904 т.) въ которомъ доказывала, что, „ни отказъ, ни массовой побѣгъ заграницу въ случаѣ мобилизаціи не принесли бы никакой пользы". „Мы должны идти на войну. Легкомысленными поступками мы только ухудшили бы наше положеніе". Послѣ манифестацій на дворцовой площади въ Петербургѣ 9/22 января 1905 года соціалистическія партіи въ Царствѣ Польскомъ приступили въ Варшавѣ, а затѣмъ и во всемъ краѣ къ кровавымъ противуправительственнымъ демонстраціямъ. И вотъ уже 15 февраля появилось возваніе Народовой Лиги, въ которой эти демонстраціи названы „нелѣпыми", а вся эта дѣятельность „безуміемъ".[1])

Въ началѣ 1906 года Народовая Демократія распространила по цѣлому краю агитаціонную брошюру п. з. „Народовая Демократія и ея принципы", въ которой безусловно осуждается соціально-

---

[1]) „Подражаніе петербургской забастовкѣ и чуждый нашему обществу характеръ соціалистическихъ агитаторовъ вызвали поступки въ высшой степени нелѣпые... Польскіе рабочіе и ремесленники! Цѣною величайшихъ жертвъ вы поднялись противъ правительства, не причинивъ ему никакого серьезнаго вреда, не получивъ никакого улучшенія вашего быта, не принеся никакой пользы отечеству. Вы увлеклись призракомъ, что настало время революціи, вы стали жертвою заблужденія легкомысленныхъ людей, которые растрачиваютъ самую дорогую вещь, — кровь своихъ соплеменниковъ — безъ всякой ясной цѣли. („Изъ возванія Народной Лиги).

революціонное движеніе, а сама революція названа „подлою и глупою“. [1])

Война затягивалась, пораженія становились все чаще и тяжелѣе, наконецъ вспыхнула революція, которая, какъ казалось, глубоко пошатнула устои государства. Моментъ для активнаго выступленія былъ, казалось бы, самый подходящій, но Народовая Демократія не покинула уже своего отрезвляющаго, выжидательнаго положенія. Мысль о возстаніи и всякомъ организованномъ насильственномъ сопротивленіи была окончательно покинута, и партія окончила свою эволюцію въ Царствѣ Польскомъ оповѣщеніемъ новой программы (въ 1906 году). Это была перефразировка, въ болѣе осторожныхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ, программы 1903 года, но въ ней окончательно вычеркнуты всякіе намеки на независимость и выдвинута автономія Ца -

---

[1]) „Но тутъ новое препятствіе выдвинула революціонная дѣятельность соціалистовъ. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться этою малою толикою свободы для національвой работы и разумной борьбы за національныя права, они захотѣли перевернуть все въ краѣ верхъ дномъ. Они кричали, что обладаютъ такою силою, что ниспровергнутд правительство, а между тѣмъ они только останавливали фабрики, мастерскія, желѣзныя дороги, неизвѣстно почему закрывали лавки въ городахъ и въ гминахъ, разгромили нѣсколько гминныхъ управленій и правительственныхъ винныхъ складовъ, убили нѣсколько полицейскихъ, да за одно съ ними фабрикантовъ и даже польскихъ рабочихъ, нераздѣляющихъ ихъ убѣжденій, и множество другихъ людей ни въ чемъ передъ ними не виновныхъ. Правительства они не ниспровергли, ибо только дѣти могли воображать, что это можетъ быть достигнуто. И народово-демократическая партія отлично знала, что иными не могутъ быть результаты этой глупой, а въ значительной степени и подлой, революціи“. (Изъ брошюры: Народовая Демократія и ея принципы. Варшава 1906 г.)

ства Польскаго, какъ политическая цѣль на почвѣ органической связи съ государствомъ.

Эта, хотя и не внезапная, но для многихъ все таки довольно неожиданная и коренная перемѣна въ нѣдрахъ партіи Народовой Демократіи могла имѣть различныя причины.

Можетъ быть, въ сущности, вся революціонная фразеологія была только эфектомъ, придуманнымъ съ цѣлью привлеченія крестьянскихъ массъ, которыя по мнѣнію Народовой Демократіи,—можно было пробудить отъ вѣковаго сна лишь громкими ударами въ колоколъ, великими и яркими лозунгами. Можетъ быть, руководители партіи, пишущіе программы для края, находясь сами далеко отъ него, очутившись внезапно и чудеснымъ образомъ на мѣстѣ и разглядѣвшись въ дѣйствительности, пришли сами къ убѣжденію, что путь къ спасенію отечества не тотъ и по собственному почину приступили къ коренному пересмотру своей программы. Можетъ быть, наконецъ, что если даже нѣкоторые изъ нихъ и остались въ области мечтаній, все таки на практикѣ они вынуждены были спуститься съ заоблачныхъ сферъ на реальную почву, встрѣтивъ преграду въ настроеніи самаго общества.

По моему, было и то, и другое, и третье: и отсутствіе дѣйствительной революціонности стремленій и внутренняя эволюція умовъ самихъ вожаковъ Народовой Демократіи, и, наконецъ, встрѣченный ими рѣшительный отпоръ со стороны общества, которое, не смотря на горячій патріотизмъ, окончательно отступило отъ традиціи прежнихъ заговоровъ и возстаній и пришло къ убѣжденію, что вся-

кое физическое сопротивленіе было бы абсурдомъ и несчастіемъ.

„Народовая Демократія“, разбивъ 1905—1906 гг. свой лагерь въ Царствѣ Польскомъ, сочла главною своей задачею борьбу съ соціализмомъ, который разрушалъ и уничтожалъ общественный порядокъ и экономическій строй края [1]).

Партія Народовой Демократіи вела борьбу съ соціализмомъ путемъ политической пропаганды. Она предостерегала и умоляла рабочіе классы не внимать вреднымъ подстрекательствамъ. Въ особенности активную борьбу съ соціализмомъ велъ „Національный Рабочій Союзъ“, находившійся въ тѣс-

---

[1]) Въ своей новѣйшей книгѣ п з. „Германія, Россія и польскій вопросъ“ (Львовъ 1908) Дмовскій такъ характеризуетъ борьбу, которую тогда вели между собою народовцы и соціалисты: „Силою вещей должна была появиться идея борьбы съ убійственной системой. И эта идея развилась въ двухъ направленіяхъ, изъ которыхъ одно поднимало общество въ культуральномъ отношеніи, а другое его низводило внизъ. Одни боролись съ правительствомъ, тайно организуя народное просвѣщеніе, давая народу политическое образованіе, указывая въ нелегальныхъ изданіяхъ, какъ бороться на законной почвѣ для защиты права отъ безправія...., другіе боролись съ правительствомъ его же собственными средствами, отвѣчая насиліемъ на насиліе и подготовляли вооруженныя вспышки и террористическіе акты (стр. 267).“ Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ: „Народовая Демократія приступила къ организаціи массъ въ краѣ, объявивъ войну соціалистическимъ партіямъ. которыя стремились къ разрушенію общественной и экономической жизни. Когда же соціалисты на національную дѣятельность отвѣтили терроромъ, то они встрѣтили въ національныхъ сферахъ вооруженное сопротивленіе. Такъ началась печальная и противная борьба, жертвами которой пали уже десятки людей съ обѣихъ сторонъ, но которая наконецъ прекратила разгулъ анархіи“.

ной связи съ партіей, но имѣвшій отдѣльную и независимую отъ Лиги и партіи организацію. „Союзъ“ такъ и не призналъ автономіи за свою политическую цѣль, не принялъ идеи государственнаго единенія съ Россіей и никогда не отрекался отъ идеи независимости. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, иную политическую программу, но все таки былъ противникомъ возстанія и революціонныхъ мѣръ. Въ прокламаціи Рабочаго Союза отъ 26 февраля 1905 года мы читаемъ:

Авторъ сочиненія **„Русская политика въ Польшѣ“** обращается къ своимъ русскимъ читателямъ съ просьбой не отказать сообщить ему свои впечатлѣнія и замѣчанія по адресу: „Варшава, Пенкная 16 Эразму Ивановичу Пильцу“.

(всѣхъ вообще фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ въ Царствѣ считается около 300 тыс).

Годъ тому назадъ (въ 1908 г.) Союзъ окончательно порвалъ всякія сношенія съ Народовой Демократіей и даже вступилъ въ открытую борьбу

кое физическое сопротивленіе было бы абсурдомъ и несчастіемъ.

„Народовая Демократія“, разбивъ 1905—1906 гг. свой лагерь въ Царствѣ Польскомъ, сочла главною своей задачею борьбу съ соціализмомъ, который разрушалъ и уничтожалъ общественный по-
... края [1]).

средствами, ...
вспышки и террористическіе акты (стр. ...
торъ пишетъ: „Народовая Демократія приступила къ организаціи ...
въ краѣ, объявивъ бойну соціалистическимъ партіямъ. которыя стремились къ разрушенію общественной и экономической жизни. Когда же соціалисты на національную дѣятельность отвѣтили терроромъ, то они встрѣтили въ національныхъ сферахъ вооруженное сопротивленіе. Такъ началась печальная и противная борьба, жертвами которой пали уже десятки людей съ обѣихъ сторонъ, но которая наконецъ прекратила разгулъ анархіи“.

ной связи съ партіей, но имѣвшій отдѣльную и независимую отъ Лиги и партіи организацію. „Союзъ" такъ и не призналъ автономіи за свою политическую цѣль, не принялъ идеи государственнаго единенія съ Россіей и никогда не отрекался отъ идеи независимости. Онъ имѣлъ, слѣдовательно, иную политическую программу, но все таки былъ противникомъ возстанія и революціонныхъ мѣръ. Въ прокламаціи Рабочаго Союза отъ 26 февраля 1905 года мы читаемъ:

> „Революціи въ Россіи не будетъ, и хотя бы даже она возникнула, мы не должны принимать въ ней участія. Всякія же революціонныя попытки въ Польшѣ могутъ повести только къ полной неурядицѣ и сдѣлать невозможною національную работу, которую теперь и безъ того стѣсняютъ".

Тѣ дѣятели, изъ числа интелигенціи, которые способствовали основанію Національнаго Рабочаго Союза (1904), имѣли несомнѣнно въ виду создать среди рабочихъ организованное сопротивленіе соціализму. Этотъ замыселъ и этотъ планъ увѣнчались успѣхомъ. Къ концу 1905 года число рабочихъ, принадлежащихъ къ Союзу, составляло около 25 тыс., а потому равнялось, а пожалуй и превосходило число членовъ соціалистическихъ организацій (всѣхъ вообще фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ въ Царствѣ считается около 300 тыс).

Годъ тому назадъ (въ 1908 г.) Союзъ окончательно порвалъ всякія сношенія съ Народовой Демократіей и даже вступилъ въ открытую борьбу

съ ней усматривая въ томъ направленіи, которое приняло Польское Коло въ Думѣ, измѣну національному дѣлу. Разногласіе началось еще въ 1907 году, когда Коло рѣшило голосовать за утвержденіемъ предлагаемаго правительствомъ военнаго контигента; оно усилилось, когда Коло заняло въ III-ей Думѣ положеніе явно умѣренное; завершилось же окончательно и повело къ полному разрыву послѣ пражскаго съѣзда. Въ Краковѣ, 6-го и 7-го сентября происходили совѣщанія членовъ Національнаго Рабочаго Союза. Присутствовало на немъ 25 делегатовъ изъ Царства. Большинствомъ 19 голосовъ противъ пяти постановлено „бороться съ Народовою Демократіей“ и принято слѣдующее рѣшеніе: „Мы не согласны съ лоялистическою политикою Польскаго Кола, не желаемъ примиренія съ Россіею, желаемъ борьбы“.

IV.

Три оффиціальныхъ обвиненія противъ національнаго движенія послѣднихъ лѣтъ. Бойкотъ государственной школы, введеніе польскаго языка въ гмину, дѣло школьной Матицы. Чѣмъ это все было, въ виду общаго потрясенія въ государствѣ?

Національное движеніе само по себѣ не было обвиняемо въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, въ точномъ смыслѣ этого слова. Но изъ правительственныхъ сообщеній извѣстно, что противъ него выдвинуты три обвиненія въ „противогосударственной“ дѣятельности: участіе въ школьной забастовкѣ, въ гминной агитаціи, вредное вліяніе на дѣятельность Школьной Матицы.

О школьной забастовкѣ нельзя говорить безъ внимательнаго разсмотрѣнія длиннаго ряда причинъ, вызвавшихъ то нравственное и умственное настроеніе, въ которомъ засталъ нашу молодежь 1905 годъ. Тридцать лѣтъ продолжалась пытка молодыхъ умовъ въ школьныхъ стѣнахъ. Горячо любимый родной языкъ былъ изгнанъ изъ этихъ стѣнъ и пользованіе имъ, даже внѣ урочныхъ часовъ, преслѣдовалось. Система воспитанія — если въ данномъ случаѣ о воспитаніи вообще можетъ быть рѣчь—основанная на шпіонствѣ, подстереганіи, постоянномъ раздраженіи, приняла видъ какой то полицейской дрессировки, которая была отрицаніемъ всякихъ педагогическихъ началъ. Между учителемъ и ученикомъ порвана была всякая духовная связь, всякая общность, и вмѣсто этого пышно разросся ядовитый цвѣтъ взаимнаго недовѣрія и недоброжелательства Понятно, что молодежи, одаренной здоровыми нравственными инстинктами, такая атмосфера не могла не опротивить.

И вотъ, вдругъ лопнуло давящее кольцо. Подавленныя чувства выпрямляются и ищутъ исхода. И тотчасъ же поданъ былъ сигналъ оттуда, откуда вышли всѣ вообще призывы къ актамъ насилія въ тѣ времена общей смуты, — изъ соціалистическаго лагеря. Рядомъ и одновременно съ лозунгомъ: остановить желѣзныя дороги, фабрики и мастерскія, — пусть остановится жизнь! брошенъ былъ лозунгъ: пріостановить школы! Иниціатива этого движенія, первый къ нему призывъ, какъ это можетъ быть доказано, были даны изъ соціалистическаго лагеря. Органическою частью ихъ про-

граммы была невиданная еще у насъ — школьная забастовка. Соціалистическая искра упала на горючій матеріалъ, тщательно нагроможденный въ теченіи многихъ лѣтъ, и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что замыселъ удастся. Это обнаружилось въ совершенно стихійномъ характерѣ движенія; по первому знаку масса молодежи сразу толпой покинула опостылѣвшія школьныя стѣны. И тогда Народовая Демократія, всегда ревниво оберегавшая свое вліяніе на молодежь, не желая чтобы движеніе, принявшее такіе размѣры, происходило безъ всякаго участія съ ея стороны и помимо нея—взяла его въ свои руки и наложила на него свое партійное клеймо [1]).

Школьная забастовка застигла общество врасплохъ, запугала его такъ-же, какъ и все революціонное движеніе. Что мы, реалисты, были ея противниками, что мы ясно усматривали въ этомъ прямой вредъ для края — это ясно, но не слѣдуетъ забывать, что вообще большая часть стараго поколѣнія энергично сопротивлялась бойкоту, что и вызвало въ нѣдрахъ общества прискорбный разладъ между старыми и молодыми, между отцами и дѣтьми. Нравственную разнузданность, возникшую въ то время, всего лучше характеризуютъ слѣдующія

---

[1]) Бывшій предсѣдатель Польскаго Кола, въ брошюрѣ „Германія, Россія и Польскій вопросъ", такъ объясняетъ роль Народовой Демократіи въ этомъ дѣлѣ: „когда по мѣрѣ роста революціоннаго движенія въ государствѣ, появилась агитація среди молодежи, побуждающая ее оставить русскую школу, то польскіе политики взяли это движеніе въ свои руки и дали ему національную польскую программу, лишая его характера революціонной школьной забастовки" (стр. 118).

слова воззванія Національнаго Рабочаго союза: „Не колебайтесь пустить въ дѣло противъ строптивыхъ родителей силу и палки“.[1]) Напрасно серіозные люди разныхъ направленій взывали къ благоразумію. Ничто не помогало. 24 февраля 1905 года произошло въ Краковѣ, подъ предсѣдательствомъ ректора университета, совѣщаніе видныхъ политическихъ дѣятелей, на которомъ школьная забастовка въ Царствѣ Польскомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ была осуждена. Въ іюлѣ того же самого года въ Варшавѣ на собраніи у гр. Адама Красинскаго, въ которомъ приняли участіе выдающіеся граждане края, непринадлежащіе къ „угодовцамъ“, забастовка точно также была осуждена, и собраніе убѣждало молодежь возвратиться въ школы. Документы, касающіеся этого вопроса, были опубликованы въ особой брошюрѣ [2]). Съ возваніемъ и горячимъ увѣщаніемъ обратился къ молодежи и варшавскій архіепископъ Попель.

Но все было напрасно.

Движеніе было стихійное.

Радикалы торжествовали, пользуясь неопытностью молодежи, а ей, раздраженной долгимъ гнетомъ, все казалось возможнымъ.

Для уразумѣнія этого настроенія является весьма характернымъ фактъ, что на митингѣ, созванномъ радикальными элементами въ Варшавѣ 16 фе-

---

[1]) „Школьная революція въ Царствѣ Польскомъ“. Варшава 1905 года.

[2]) „Głosy w sprawie bezrobocia szkolnego“ Warszawa 1905 („Голоса по вопросу о школьной забастовкѣ“).

враля 1905 года, на которомъ рѣшена была всеобщая школьная забастовка, счелъ возможнымъ появиться попечитель учебнаго округа, теперешній министръ народнаго просвѣщенія, сенаторъ Шварцъ, который, передъ 2000 возбужденныхъ слушателей, увѣрялъ что народъ, имѣющій такую исторію, такое культурное прошлое, „*можетъ и имѣетъ право* предъявлять такого рода требованія“ т. е. требованіе полонизаціи правительственной школы. Онъ только призывалъ къ спокойствію и къ продолженію школьныхъ занятій [1])

О такъ называемой гминной агитаціи я скажу всего нѣсколько словъ. Извѣстно, что изъ числа около 1300 гминъ въ Царствѣ Польскомъ нѣсколько сотъ ихъ на своихъ гминныхъ собраніяхъ рѣшили (въ 1904 и 1905 гг.) возстановить употребленіе польскаго языка во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. Я не буду защищать этого способа дѣйствій, вполнѣ понимая принципъ, что, даже для устраненія незаконныхъ дѣяній слѣдуетъ пользоваться законнымъ путемъ. Но нельзя не указать на нѣкоторыя обстоятельства, которыя, выясняютъ характеръ указанныхъ постановленій гминныхъ собраній. Польскій языкъ былъ устраненъ изъ внутренняго дѣлопроизводства гминъ въ Царствѣ Польскомъ не какими либо законами, но путемъ административныхъ распоряженій. Учредительный Комитетъ создалъ въ 1864 году польскую гмину съ польскимъ дѣлопроизводствомъ. Что правительство считало это вполнѣ

---

[1]) Погодинъ „Главныя теченія польской политической мысли“ 1863—1907. стр. 529.

естественнымъ, этому посредственнымъ, но, кажется, вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ является фактъ, что Учредительнымъ Комитетомъ изданъ былъ 3/15 марта 1867 года циркуляръ, въ которомъ изъ этого общаго правила рѣшено было сдѣлать исключеніе для мѣстностей съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ (въ восточныхъ уѣздахъ люблинской и сѣдлецкой губерній), въ которыхъ гминныя постановленія должны были записываться и оглашаться на русскомъ языкѣ, какъ языкѣ „понятномъ для большинства сельскаго населенія". Что введеніе русскаго языка въ польскія гмины (1896—1903) даже въ понятіяхъ высшихъ администраторовъ Царства Польскаго не имѣло законнаго основанія, о томъ свидѣтельствуетъ извѣстный циркуляръ варшавскаго губернатора, сенатора барона Медема, изданный 16 іюня 1880 года, въ которомъ сказано: что ни Высочайшій Указъ объ устройствѣ крестьянъ отъ 19 февраля 1864 года, ни какіе бы то ни было позднѣйшіе законы не воспрещаютъ гминнымъ управленіямъ пользоваться польскимъ языкомъ въ точныхъ границахъ внутренняго гминнаго самоуправленія и что никогда русскій языкъ не былъ признанъ обязательнымъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не одобрило поступокъ барона Медема, но Комитетъ Министровъ, разсматривая этотъ вопросъ въ 1905 году, пришелъ къ заключенію (въ мотивахъ постановленія отъ 6/19 іюня), что въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній на обязательность употребленія русскаго языка въ гминномъ самоуправленіи и что устраненіе польскаго языка произошло путемъ „обычая", иными словами, просто насилія.

Такимъ образомъ развившаяся во время смутъ (1904—1905 гг.) политическая агитація, содѣйствовавшая или вызвавшая указанныя гминныя постановленія, нашла вполнѣ подготовленную почву въ недовольствѣ крестьянъ веденіемъ книгъ и гминной переписки на непонятномъ для нихъ языкѣ, равно какъ въ отсутствіи законнаго упорядоченія вопроса о польскомъ языкѣ въ гминахъ. Ликвидація этого дѣла произошла въ двухъ направленіяхъ: Комитетъ Министровъ 6/19 іюня 1905 года постановилъ ввести во все внутреннее дѣлопроизводство гминнаго самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ польскій языкъ рядомъ съ русскимъ, который въ послѣднее время исключительно употреблялся,—во внутренней же перепискѣ употреблять исключительно польскій языкъ. Всѣ виновники гминной агитаціи: крестьяне, войты, писары, помѣщики были сурово наказаны арестами и денежными штрафами.

Дѣло „Школьной Матицы“ представляетъ особенно скорбную страницу въ исторіи нашей общественной жизни за послѣдніе годы.

Въ руководствѣ дѣятельностью Матицы несомнѣнно сдѣланы были ошибки, тѣмъ болѣе важныя съ точки зрѣнія польскаго общества, что онѣ дали правительству формальное основаніе къ закрытію этого учрежденія. Но нельзя осуждать совершенныхъ ошибокъ безъ уразумѣнія психологическаго настроенія и условій, въ которыхъ Матица была создана и въ которыхъ она дѣйствовала. Матица была основана въ 1905 году, и самый этотъ годъ уже много объясняетъ въ ея исторіи. Она была первымъ учрежденіемъ, открытымъ на осно-

ваніи новаго закона объ обществахъ и союзахъ, и внесена въ реестръ подъ 1-ымъ номеромъ. Уставъ предоставилъ ей несомнѣнное право распространять просвѣщеніе въ „національномъ“ духѣ.

Общество, устраненное въ теченіи сорока лѣтъ отъ всякаго вліянія на жизнь а въ особенности на школьное дѣло и просвѣщеніе, получило вдругъ право заняться этимъ просвѣщеніемъ притомъ на своемъ родномъ языкѣ. Оно приступило къ исполненію этой новой задачи съ пламеннымъ энтузіазмомъ.

Число членовъ превышало сто тысячъ. За полтора года своего существованія (въ декабрѣ 1907 г. послѣдовало сначала временное, а затѣмъ и окончательное закрытіе Матицы, по распоряженію административныхъ властей) Матица открыла около 800 школъ съ 63 тыс. учащихся, основала народный университетъ и курсы для безграмотныхъ въ 13 мѣстностяхъ въ провинціи, открыла около 400 дѣтскихъ пріютовъ и слишкомъ 600 библіотекъ и читаленъ. Собрано было на эту цѣль путемъ добровольныхъ пожертвованій около милліона рублей. Все это громадныя цифры, если особенно принять во вниманіе краткій промежутокъ времени, въ который были достигнуты всѣ эти результаты, и уже ослабѣвавшій тогда пульсъ экономической жизни. Въ работѣ, осуществляемой съ лихорадочною поспѣшностью и восторгомъ, приняли, понятно, самое видное участіе молодые и горячіе элементы. Ихъ неопытность и неумѣніе считаться съ дѣйствительностью, были непосредственной причиной допущенныхъ ошибокъ.

Въ упрекахъ дѣлаемыхъ правленію Матицы,

мы реалисты, отнюдь не были обособлены. Когда произошла катастрофа, и столь дорогое для польскаго общества, столь важное для края учрежденіе должно было прекратить свое существованіе, наиболѣе распространенная польская газета, безпартійный, но симпатизирующій съ Народовою Демократіей, „Kurjer Warszawski“ не поскупился на горькіе упреки руководителямъ Матицы. Изъ этого кажется ясно, что обвиненій касающихся правленія Матицы, нельзя обобщать и распространять на все польское общество.

Впрочемъ, резюмируя оффиціальныя обвиненія относительно поведенія польскаго общества въ 1905 1907 гг. нельзя вѣдь забывать, какое это было время. Что такое „преступленія“ въ родѣ гминнаго движенія и школьной забастовки — по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ самой Россіи, когда пошатнулись устои государства, когда на русской территоріи возникали „независимыя республики“, когда Москву приходилось брать осадною артиллеріею, когда „князь Потемкинъ“ шелъ подъ краснымъ флагомъ, а Совѣтъ рабочихъ депутатовъ стремился захватить въ свои руки центральную власть въ государствѣ?

V.

Перемѣна воззрѣній Народовой Демократіи, проявившаяся въ политикѣ польскаго представительства въ Государственной Думѣ. Три фазы. Послѣдняя фаза: поведеніе Польскаго Кола въ III-ьей Государственной Думѣ. Неословянское движеніе. Голоса печати: только постепенныя перемѣны возможны. Заявленіе противъ насилій „вездѣ и во всякой формѣ". Эволюція наступила подъ давленіемъ необходимости. Уменьшаетъ-ли это ея реальную стоимость.

Эволюцію партіи Народовой Демократіи лучше всего характеризуютъ тѣ фазы, которыя наблюдаются въ политикѣ Польскаго Кола въ Государственной Думѣ, такъ какъ всѣ три раза выборы принесли почти полную побѣду именно этой партіи. [1])

По глубокому убѣжденію той политической группы, въ которой я себя причисляю, политика польскаго Кола въ I-ой и II-ой Думѣ, — вполнѣ впрочемъ оправдываемая тогдашнимъ „*Drang und Sturm Periode*" и общимъ революціоннымъ настроеніемъ,—съ точки зрѣнія польскихъ интересовъ была ошибочна и вредна. Это мы неоднократно и въ разныхъ случаяхъ подчеркивали очень опредѣленно и въ своихъ органахъ печати и въ своихъ политическихъ выступленіяхъ. Поэтому я не стану и теперь пытаться оправдывать ни перваго польскаго заявленія, ни неудовлетворительнаго отношенія польскихъ депутатовъ во II Думѣ къ аграрной программѣ, ни недостаточно рѣшительнаго осужденія террора, ни внесенія формальнаго проекта автономіи, безъ

---

1) Въ I-ой Думѣ изъ 34 депутатовъ было: 8 безпартійныхъ,
во II-ой „ изъ 34 3 безпартійныхъ и 2 прогресиста,
въ III-ей „ 9 народовыхъ демократовъ и 2 безпартійныхъ.

всякихъ реальныхъ шансовъ успѣха, ни отказа въ утвержденіи государственной росписи, ни вообще безусловно оппозиціонной политики по отношенію къ правительству.[1]) Для насъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что вся дѣятельность Народовой Демократіи въ I-ой и II-ой Думѣ, — несмотря на нѣкоторыя исключенія, въ родѣ отказа подписать выборгское воззваніе и подачи голосовъ за требуемое число новобранцевъ, — не соотвѣтствовала существеннымъ интересамъ края и несомнѣнно способствовала даже въ извѣстной мѣрѣ ухудшенію нашего положенія.

Установивъ такимъ образомъ основную точку зрѣнія, — я не могу не отмѣтить тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе, явной и чрезвычайно важной эволюціи, происшедшей въ умахъ руководителей Польскаго Кола и находящейся въ полномъ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ настроенія общества въ теченіе послѣднихъ полутора лѣтъ, т. е. со времени роспуска II-ой Думы.

Этотъ поворотъ въ дѣятельности Польскаго Кола сказывается одинаково какъ въ томъ, *что оно сдѣлало*, такъ и въ томъ — *чего оно не сдѣлало*. Въ III-ей Думѣ не былъ, напримѣръ, возобновленъ ни одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, вокругъ которыхъ вращалась вся политика Кола въ первыхъ двухъ Думахъ. Не только не было рѣчи ни объ автономіи, ни о широко поставленной „школьной реформѣ“ (т. е. полонизаціи всѣхъ правительственныхъ

---

[1]) Я долженъ оговориться, что мы, реалисты не порицаемъ оппозиціи противъ отдѣльныхъ мѣропріятій или проектовъ правительства, вредныхъ для края.

школъ, низшихъ, среднихъ и высшихъ), но даже ни однимъ словомъ никто не коснулся вопросовъ, предъявленныхъ первой Думѣ. Всего этого — *не было*. Было за то много фактовъ, свидѣтельствующихъ о крутомъ поворотѣ, совершившемся въ Польскомъ Колѣ въ направленіи политическаго реализма: совершенно оставлена прежняя безусловно противуправительственная оппозиція, и состоялось сближеніе съ центромъ Думы, съ октябристами и умѣренной правой; предсѣдателемъ польскаго Коло было даже сдѣлано заявленіе и притомъ съ думской трибуны (2/15 мая 1908) отъ имени всего Кола, заявленіе, что поляки не выдвигаютъ впередъ требованія автономіи, что они примутъ каждую „хорошую" реформу, что польскій народъ отрекся отъ системы возстаній и оставилъ „неискреннюю дипломатію всякого рода, что польская политика, „сошла съ пути неосуществимыхъ плановъ „и стала" на практическую почву".

Двѣ недѣли спустя предсѣдатель Польскаго Кола, Дмовскій, съ большинствомъ членовъ Кола присоединился „безъ всякихъ оговорокъ" къ дѣлу славянскаго сближенія, возникшему по инціативѣ чешскаго депутата Крамаржа и клуба общественныхъ дѣятелей въ Петербургѣ. На славянскомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Петербургѣ въ концѣ мая прошлаго года Дмовскій произнесъ рѣчь, которая отлично характеризуетъ перемѣну, происшедшую во взглядахъ Народовой Демократіи на главныя задачи польской политики. Онъ сказалъ между прочимъ:

„Переломъ въ положеніи и исторической роли Польши „состоитъ въ томъ, что теперь опять главною ей задачей ста-

новится борьба противъ германскаго напора
„Въ этой борьбѣ тѣ восточныя территоріи, которыя нѣкогда
„имѣли для Польши главное значеніе нынѣ его въ политическомъ
„отношеніи уже не имѣютъ".

Въ Іюлѣ прошлаго года состоялся въ чешской Прагѣ славянскій съѣздъ, на который оба польскія Кола: Думское и Государственнаго Совѣта послали своихъ представителей. Въ послѣдній день съѣзда Дмовскій, отъ имени присутствовавшихъ польскихъ делегатовъ, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Въ русскомъ государствѣ, въ которомъ всѣ наши усилія „направлены къ тому, чтобы добыть себѣ условія національнаго „развитія, народъ нашъ стоитъ на почвѣ принадлежности „къ русскому государству и признанія об„ще государственныхъ интересовъ. Мы питаемъ „глубокое убѣжденіе что обновленная Россія, съ государствен„нымъ строемъ, основаннымъ на законѣ и признаніи правъ дру„гихъ народовъ, а въ частности и польскаго, въ этихъ основа„ніяхъ обрѣтаетъ свою силу и станетъ державой нуж„ной не только русскому народу но и поль„скому и всему человѣчеству. Прогрессъ Россіи „въ томъ направленіи составляетъ главное условіе успѣшнаго „развитія всего славянства".

Это новое направленіе Польскаго Кола, а слѣдовательно, и большинства партіи Народовой Демократіи, опредѣлилъ и выяснилъ въ цѣломъ рядѣ статей офиціальный органъ партіи: „Głos Warszawski" (августъ 1908 г.). Онъ указываетъ, что необходимо усовершенствоваться, „избѣгать ошибокъ и приспособляться къ измѣнившимся политическимъ условіямъ". Въ Россіи возможны только „постепенныя измѣненія". Антигосударственная политика былабы „нелѣпостью". Борьба за автономію проиграна; надо работать надъ „постепеннымъ улучшеніемъ нашего положенія".

Чрезвычайно характернымъ для перемѣны, про-

исшедшей въ Польскомъ Колѣ и въ Народовой Демократіи, но вполнѣ послѣдовательнымъ и логично согласнымъ съ тѣмъ, на что мы указали выше, было подписанное ею 1 Ноября прошлаго года, совмѣстно съ другими партіями, политическое заявленіе по поводу нападеній на русскихъ студентовъ, иниціатива котораго вышла изъ среды реалистовъ, и въ которомъ осуждается всякое насиліе „во всякой области и формѣ [1]).

Послѣднимъ, наконецъ, въ хронологическомъ порядкѣ фактомъ, было предложеніе руководителей Народовой Демократіи отказаться отъ половины депутатскихъ мѣстъ и готовность передать ихъ реалистамъ; это предложеніе не было осуществлено, вслѣдствіе препятствій чисто формальнаго характера, но тѣмъ не менѣе, какъ актъ несомнѣнно весьма вы-

---

[1]) **Вотъ подлинный текстъ этого заявленія:** „Представители польскихъ политическихъ группъ: Народовой Демократіи, Партіи Реальной Политики и Польскаго прогрессивнаго Объединенія, обсудивъ положеніе, вызванное фактомъ закрытія въ Варшавѣ шестнадцати среднихъ учебныхъ заведеній, каковой фактъ официально мотивируется пропагандою бойкота и актами насилія надъ русскими студентами высшихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, — сочли необходимымъ, отъ вышеозначенныхъ политическихъ группъ и по ихъ полномочью заявить нижеслѣдующее:

1) мы исповѣдуемъ прицицъ, что польское общество, въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію своихъ національныхъ нуждъ и къ расширенію своихъ правъ, не можетъ прибѣгать къ некультурнымъ средствамъ, а тѣмъ болѣе, къ насилію, въ какой бы то ни было формѣ и области.

2) Согласно волѣ нашего общества, польская школа — созданная и содержимая на его средства и благодаря его жертвамъ, стоя въ сторонѣ отъ всякой политики, имѣетъ своею задачею быть очагомъ труда и науки, служить идеаломъ добра и правды и воспитывать молодежь въ любви къ родной землѣ, не прививая притомъ чувствъ ненависти къ кому бы то ни было;

сокаго пониманія своего гражданскаго долга со стороны руководителей Кола и Народовой Демократіи, оно не пройдетъ безслѣдно и сдѣлаетъ возможной организацію всѣхъ умѣренныхъ элементовъ въ краѣ.

Перемѣна въ основныхъ взглядахъ руководителей Народовой Демократіи и Польскаго Кола не могла не оказать вліянія на сплоченность партіи. Умѣренное направленіе имѣетъ за собою несомнѣнно большинство интеллигенціи и помѣщичьяго класса, по природѣ своей консервативнаго, но нарожденіе новой политической мысли не обошлось безъ потрясеній. Хотя политика большинства Польскаго Кола была признана большинствомъ партіи, но однако, какъ всѣмъ извѣстно, противъ этой политики высказалось довольно многочисленное меньшинство, состоящее изъ болѣе радикальныхъ элементовъ. Пока это меньшинство не оставляетъ партійной организаціи, въ надеждѣ, что, въ случаѣ, если новый курсъ Польскаго Кола не принесетъ никакихъ результатовъ и никакой пользы для края, то разочарованное и обманутое общественное мнѣніе можетъ снова повернуть на лѣво, а въ такомъ случаѣ меньшинство нынѣшней организаціи станетъ опять

---

3) Вполнѣ освѣдомленные о томъ, что именно такова воля нашего общества, что такъ понимаютъ свою задачу всѣ руководители школъ, и что такими же идеями проникнута учащаяся въ нихъ молодежь,—мы положительно высказываемся противъ того, чтобы на все польское общество и на польскія школы была возлагаема отвѣтственность за преступныя дѣянія отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ внѣ нашего вліянія и дѣйствующихъ вопреки идеямъ и взглядамъ общества и къ явному вреду для него.

г. Варшава 1-го ноября 1908 года.

большинствомъ. Пока руководители Польскаго Кола подвергаются безпрестаннымъ и страстнымъ нападеніямъ со стороны всей лѣвой польской печати, усматривающей въ перемѣнѣ программы отступничество отъ національнаго знамени.

Лицо, очень вліятельное въ правящихъ сферахъ, недавно высказало мысль, что перемѣна въ политикѣ польскаго представительства въ Петербургѣ сомнѣнію не подлежитъ, но что значеніе ея умаляетъ тотъ фактъ, что она произошла подъ принужденіемъ, „подъ палкой“.

Но вѣдь „принужденіе“ есть не что иное какъ повелительный голосъ необходимости. Вполнѣ естественно, что спустившись съ облаковъ на землю, обратившись отъ иллюзій, взлелѣянныхъ на чужбинѣ, что, ближе познавъ Россію, присматрѣвшись къ дѣламъ и людямъ, прежніе „идеалисты“ поняли, что благо отечества требуетъ отъ нихъ пересмотра теоретической программы, составленной въ полномъ отрѣшеніи отъ реальныхъ условій существованія, и что приведеніе этой программы въ соотвѣтствіе съ этой дѣйствительностью составляетъ ихъ патріотическій долгъ. И они этотъ долгъ исполнили, что составляетъ ихъ несомнѣнную заслугу, и что вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ гарантію умиротворенія и оздоровленія края.

„Принужденіе“. Мало ли въ исторіи примѣровъ перемѣнъ происшедшихъ исключительно подъ вліяніемъ принужденія? Можно даже утверждать, что всѣ великіе историческіе перевороты, начиная съ самыхъ полезныхъ и благотворныхъ въ своихъ

послѣдствіяхъ, совершались именно при такихъ условіяхъ. За примѣрами и очень при томъ убѣдительными ходить не далеко. Перемѣны во внутреннемъ строѣ Россіи, не тѣ, правда, „свободы", которыя были вырваны въ минуту наибольшаго разстройства и ослабленія правительственной власти, а потомъ отобраны, но тѣ, которыя остались, составляютъ теперь органическую часть основныхъ государственныхъ законовъ и вошли въ политическую программу нынѣшняго правительства — не были ли онѣ послѣдствіемъ такого-же принудительнаго фактора, который дѣйствовамъ и у насъ?

Мы измѣнились подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Такъ или иначе, перемѣна совершилась и вызвала уже совершенно ощутительные результаты. Можетъ ли русскій политическій дѣятель не считаться съ этимъ фактомъ, каковы бы ни были его причины?

Политическое воспитанiе

VI.

Ошибки польской политики имѣютъ свои причины. Въ какихъ условiяхъ воспитывалось послѣднее поколѣнiе? Ликвидацiя 1863 года. Когда наступило полное успокоенiе началось обрусенiе. Оно дѣлается систематическимъ и обнимаетъ всѣ проявленiя жизни политической и нацiональной. Эпоха Гурки.

Но допустимъ, что изображаемая мною картина народно-политическаго движенiя недостаточно вѣрна и точна, что я не упомянулъ о нѣкоторыхъ отрицательныхъ явленiяхъ и событiяхъ, а другiя недостаточно оцѣнилъ, что кромѣ фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ, есть еще другiе, о которыхъ правительство имѣетъ свѣдѣнiя изъ источниковъ, ему одному доступныхъ, допустимъ наконецъ, что школьную забастовку, гминное движенiе, дѣятельность школьной Матицы, тактику Кола въ I и II Думѣ и пр. слѣдуетъ приравнять къ революцiоннымъ дѣйствiямъ,—однимъ словомъ, допустимъ самое худшее...

Допустимъ.

Но въ тоже самое время примѣнимъ ко всей этой совокупности фактовъ методъ историческаго изслѣ-

дованія, который я считаю единственно вѣрнымъ при оцѣнкѣ такихъ сложныхъ и запутанныхъ явленій, а потомъ соединимъ ихъ вмѣстѣ и постараемся спокойно и серьезно разобраться въ нихъ. Пишущій эти строки считаетъ себя тѣмъ болѣе призваннымъ подвести итоги и произвести анализъ, что многіе изъ фактовъ, взволновавшихъ русское общество и вызвавшихъ новыя репрессіи, какъ разъ относятся къ разряду тѣхъ явленій, которые мы, реалисты, считали вредными съ точки зрѣнія національныхъ польскихъ интересовъ, отъ которыхъ старались предостеречь общество, съ которыми вели борьбу.

Я постараюсь доказать, что все настроеніе польскаго общества въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ и весь длинный рядъ политическихъ ошибокъ его избранниковъ—были лишь естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ и результатомъ тѣхъ политическихъ условій, въ которыхъ росли, учились, воспитывались и жили польскія молодыя поколѣнія послѣ 1864 г.

Я постараюсь доказать, что польское общество было увлечено на этотъ роковой путь условіями, совершенно отъ него независящими. Школа и бюрократія упорно работали надъ тѣмъ, чтобы привить и воспитать въ польскомъ сердцѣ ненависть ко всему русскому (слова эти принадлежатъ не мнѣ а ген.-адъют. Гурко), чтобы ослабить и уничтожить всякое чувство солидарности съ государствомъ. Изстрадавшійся, болѣзненно чувствительный и вѣчно раздражаемый народъ, убѣдившись, что лойяльнымъ поведеніемъ ничего не добьется, не могъ въ рѣшительную минуту пойти за тѣми, кто призывалъ

его къ выдержкѣ, спокойствію и тому подобнымъ политическимъ добродѣтелямъ (грубая дѣйствительность на каждомъ шагу противорѣчила ихъ теоріямъ и опровергала ихъ), онъ пошелъ и долженъ былъ пойти за тѣми, кто не „скомпрометировалъ себя" „угодовческими" попытками, кто работалъ въ подпольяхъ надъ тайнымъ обученіемъ народа, кто провозглашалъ, что важны не реальныя условія жизни, а важно прежде всего „пробужденіе національнаго чувства", за тѣми, кого окружалъ ореолъ страданія, кто имѣлъ за собой аттестатъ патріотическаго служенія—тюрьмы и ссылки.

И когда для польскаго общества пришла пора тяжкихъ испытаній, когда наступила эпоха революціонныхъ бурь и внутренняго обновленія государства, общество это не выдержало экзамена на аттестатъ политической зрѣлости (дозрѣли въ немъ только долго сдерживаемыя чувства, которыя и нашли себѣ бурный выходъ): его любимцы, его вожди не сумѣли съ холоднымъ и трезвымъ вниманіемъ подойти къ занимаемому ими положенію, соразмѣрить силы съ намѣреніемъ и, заглушивъ въ себѣ горечь воспоминаній, согласовать свою дѣятельность съ условіями дѣйствительности.

Этого они не сдѣлали.

Почему? Отвѣта слѣдуетъ искать въ исторіи русскаго управленія въ Польшѣ за послѣдніе сорокъ лѣтъ.

Безумствомъ былъ 63-й годъ, верхомъ ослѣпленія—неиспользованіе льготъ и уступокъ 61—62 годовъ. Мы уже знаемъ причины этого безумія, знаемъ, что 30-ти лѣтній гнетъ Пашкевича не заглушилъ а, напротивъ, разжегъ тоску по потерянной свободѣ, знаемъ, что когда прозвучалъ призывъ къ этой свободѣ, и замелькали блуждающіе огоньки иностранной помощи, народъ не устоялъ противъ искушенія испробовать свои силы въ неравной борьбѣ и взялся за оружіе. Знаемъ и то, чѣмъ кончился этотъ порывъ, и какъ ужасна была ликвидація его. Нѣсколько тысячъ польской молодежи, весь цвѣтъ, утѣшеніе и надежда народа легли костями на полѣ битвы, висѣлицы чернѣли чаще, чѣмъ придорожные кресты, десятки тысячъ пошли въ Сибирь, у тѣхъ, кто остался въ живыхъ, отняли автономію, и всѣ усилія были приложены къ тому, чтобы не только корни возстанія были уничтожены, но чтобы даже и мысли о возможности его въ будущемъ не возникло.

Это было кровавое, ужасное, безпощадное, неумолимое возмездіе, но всетаки только возмездіе.

Но все то, что послѣдовало за этимъ и удержалось надолго, уже не было возмездіемъ. Между дѣятельностью правительства и тѣмъ, что творилось въ краѣ, не было никакой причинной связи. Еще въ началѣ, въ первые годы, пока русская политика шла по линіи, намѣченной Милютинымъ, дѣло обстояло нѣсколько иначе: существовалъ политическій гнетъ, но не было гнета національнаго и культурнаго. Правда, не смотря на Высочайшее обѣщаніе, выраженное въ рескриптѣ на имя Вел. Кн.

Константина (декабрь 63 г.) реформы 61 и 62 г. не были возвращены странѣ, въ которой успокоеніе уже наступило, но все же былъ признанъ и принятъ тотъ принципъ, что край имѣетъ право на самостоятельную и культурную жизнь. Реформа Милютина оставляла въ школахъ для польскаго населенія польскій языкъ, какъ языкъ преподованія всѣхъ предметовъ, сверху до низу, отъ университета до народныхъ училищъ. Югенхеймскій манифестъ закрѣплялъ за польской молодежью право учиться на родномъ языкѣ и гласилъ, что школа никогда не станетъ въ рукахъ правительства „орудіемъ политики".

И вдругъ, въ 1867 г., когда въ краѣ господствовала полная тишина, когда все польское общество думало только о томъ какъ бы залечить раны, когда ничто не оправдывало необходимости новыхъ наказаній, въ русской политикѣ наступилъ неожиданный и рѣзкій поворотъ. Творцомъ новаго плана воспитанія польской молодежи является графъ Дмитрій Толстой. Вся школьная организація, только что получившая по волѣ Александра II новую почву для развитія (1866), разомъ уничтожается, а на ея мѣсто вводится обще-русская система школьнаго образованія[1]). Польскій языкъ не только теряетъ свое значеніе языка преподаванія, но даже самое обученіе этому языку ведется по русски. Воспитаніе польской молодежи передается въ руки русскихъ учителей.

---

[1]) Министерскими приказами отъ 10 февраля 1868 г. и 1 мая 1869 г.

Два года управленія краемъ ген. Альбединскимъ (1879—1881 г.) являются какъ-бы нѣкоторымъ переревывомъ: система управленія осталась та же самая, но приняла болѣе мягкія формы. Но послѣ этого обрусительная машина еще крѣпче сжимаетъ тиски и начинаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи съ лихорадочною торопливостью. Борьба съ польской народностью и польской культурой принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ подъ суровымъ управленіемъ ген. адъют. Гурко, котораго въ фанатизмѣ обрусенія превзошелъ лишь попечитель учебнаго округа Ал. Льв. Апухтинъ.

И это усиленіе національнаго гнета наступаетъ какъ разъ послѣ 1877 г., послѣ великой войны, предпринятой Россіей во имя благородной идеи освобожденія южныхъ славянъ отъ чужеземнаго ига (я помню плакаты, разлѣпленные по улицамъ Варшавы и призывавшіе поляковъ къ пожертвованіямъ), когда во всей странѣ была полная тишина, когда не было и рѣчи о какой-бы ни было конспиративной дѣятельности или тайной работѣ, направленной противъ государства (за исключеніемъ, конечно, спорадическихъ проявленій соціалистической агитаціи[1]), когда и старшее, и младшее поколѣніе больше всего увлекалось теоріей „органическаго труда“ (отказъ отъ такъ наз. великой политики и сосредоточеніе всѣхъ усилій на томъ чтобы вывести страну изъ состоянія экономичестаго и общественнаго упадка), когда даже теперешній интеллектуальный

---

[1]) Первыя проявленія тайной національной агитаціи относятся къ 1885 году.

вождь польскихъ прогрессистовъ писалъ умѣреннѣйшія, насквозь проникнутыя примирительнымъ духомъ, „Политическія указанія“.

И тогда то именно было признано вполнѣ цѣлесообразнымъ, при помощи новыхъ обрусительныхъ экспериментовъ, вывести польскій народъ изъ равновѣсія.

Началось проведеніе въ жизнь во всей ужасающей полнотѣ системы безпощаднаго гнета въ областяхъ національной, политической, общественной, экономической. Рѣшено было обращаться съ поляками какъ съ врагами, не заслуживающими ни малѣйшаго снисхожденія, а культуру польскую, польское просвѣщеніе сравнять съ землей, чтобы не осталось и слѣда „*ubi Troja fuit*“.

VII.

Русская школа въ Польшѣ. Университетъ, средняя и нисшая школа. Отзывы русскихъ о ея дѣятельности. Апухтинъ. Школа какъ главное средство обрусенія. Она не достигаетъ своей цѣли и дѣлается источникомъ ненависти къ Россіи: изъ нея выходятъ агитаторы тайнаго политическаго движенія. Общій упадокъ культуры на ряду съ раздраженнымъ національнымъ чувствомъ. Порча нравовъ. Невозможность какого бы то ни было общественнаго дѣла.

Естественно, что съ наибольшимъ увлеченіемъ, съ наибольшимъ усердіемъ и рвеніемъ принялись за школу и просвѣщеніе.

Относительно университета скажу только нѣсколько словъ. Извѣстно, что онъ стоялъ на очень низкомъ уровнѣ. Въ варшавскій университетъ для преподавательской дѣятельности прислали, за небольшими исключеніями, какіе то отбросы и браковку не смотря на

то, что русская наука имѣетъ право гордиться цѣлымъ рядомъ ученыхъ, изъ которыхъ многіе пользуются европейскою извѣстностью. Польскихъ профессоровъ почти совершенно отстранили (на 60 оставили только 2), а доцентовъ поляковъ запретили принимать. Такъ какъ при этомъ было запрещено основывать какія бы то ни было научныя общества, то польская наука оказалась безъ всякого пристанища въ краѣ и польскіе ученые принуждены были эмигровать за границу или же, обладая цензомъ, открывающимъ доступъ къ университетскимъ каѳедрамъ, давать уроки въ частныхъ женскихъ пансіонахъ.

А средняя школа?

Заглянемъ въ самые достовѣрные источники, въ оффиціальныя документы. Неоднократно цитированная всеподданнѣйшая записка генер.-адъют. Гурко за 1890 г. подтверждаетъ, что школа относится къ польскому ребенку „враждебно, съ презрѣніемъ, оскорбляя его чувства“. Гурко указываетъ на то, что результатъ системы, примѣняемой въ правительственной школѣ, совершенно противорѣчитъ намѣреніямъ правительства и воспитываетъ поколѣнія въ духѣ враждебномъ государству[1]).

---

[1]) Привожу буквально выписку изъ всеподданнѣйшей записки І. В. Гурко: „Въ правительственной школѣ Царства, къ польскому ребенку относятся не только не любовно, но прямо враждебно; въ ней ему ставятъ въ упрекъ его польское происхожденіе, оскорбляютъ его національное чувство, къ его религіи относятся презрительно, его родному языку даютъ мѣсто лишь послѣ иностранныхъ — французскаго и нѣмецкаго. Возвращаясь домой, ребенокъ передаетъ родителямъ, и безъ того не отличающимся любовью къ русской націи, о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыя онъ испытываетъ въ школѣ, о томъ фаворитизмѣ, которымъ пользуются въ ней русскія дѣти, а это не-

Такъ же рѣзко осудилъ въ оффиціальныхъ документахъ систему воспитанія и дѣятельность варшавскаго учебнаго округа и варшавскій генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій. Онъ утверждалъ, что слѣдуетъ создать новую школу, „крѣпкую своей внутренней мощью, а не почерпающую свою силу въ безсиліи учащихся и ихъ родителей".

Но самую подробную и самую сильную характеристику русской школы въ Польшѣ мы находимъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Очерки Привислянья", подписанной буквами В. Р.[2]) За этими буквами скрывается—теперь это уже не составляетъ тайны —ближайшій сотрудникъ генералъ-адъютанта Гурко, его старшій сынъ Владиміръ Іосифовичъ Гурко, который, поднимаясь по ступенямъ служебной карьеры, достигъ поста товарища министра, потомъ потерялъ его, но и теперь еще остается человѣкомъ будущаго въ чиновной Россіи. Авторъ „Очерковъ Привислянья" не скрываетъ своего крайняго нерасположенія къ полякамъ, онъ является въ нихъ апологетомъ системы своего отца, который, хотя въ школьномъ вопросѣ и выступалъ противъ Апух-

---

оспоримый фактъ, ибо отъ польскаго ребенка требуется учебнымъ начальствомъ лучшее знаніе русскаго языка и его граматическихъ правилъ, нежели отъ русскаго. Такое безсердечное отношеніе къ ребенку, понятно, приводитъ къ результамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, которыхъ ожидало правительство, отъ дѣятельности этихъ школъ; оно не развиваетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, а наоборотъ заставляетъ его съ юныхъ лѣтъ возненавидить все русское, доставившее ему въ лучшую пору его жизни столько напрасныхъ оскорбленій и горькихъ слезъ"...

²) „Очерки Привислянья". В. Р. Москва, Типографія В. В. Ширина 1897 г.

тина, за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ безусловнаго обрусенія края. Авторъ „Очерковъ Привислянья“ является проповѣдникомъ политики репрессій и противникомъ всякихъ реформъ. Поэтому его мнѣнія, относительно различныхъ отраслей управленія въ Царствѣ Польскомъ, очень цѣнны, тѣмъ болѣе, что, работая надъ своей интересной и талантливо написанной книгой, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи весь богатый архивъ канцеляріи варшавскаго ген. губернатора.

Гурко-младшій утверждаетъ, что „оставивъ безъ измѣненія характеръ интеллигенціи края“ русская школа только „увеличила число лицъ, враждебно расположенныхъ къ Россіи“ (стр. 305), преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ края „служитъ неисчерпаемымъ источникомъ для всякихъ издѣваній, какъ надъ нимъ, такъ и надъ обучающимися ему“ (стр. 315).

Всѣ эти свидѣтельства вполнѣ отвѣчали дѣйствительности.

Школа, которую осудили эти, по большей части недружелюбно къ намъ расположенные, государственные дѣятели, была, дѣйствительно, позоромъ своего вѣка. Ея учебная цѣнность была минимальна, потому что все въ ней было направлено главнымъ образомъ къ политической цѣли: образовательное учрежденіе, посвященное научной подготовкѣ молодежи, было превращено въ огромную мастерскую денаціонализаціи, но не будучи въ силахъ достигнуть этой химерической цѣли, сдѣлалось орудіемъ пытки, примѣнявшимся къ польскимъ дѣтямъ.

Мало того, что русскій языкъ вытѣснилъ польскій въ преподаваніи по всѣмъ научнымъ предметамъ, такъ, что даже уроки польскаго языка и польской литературы велись на томъ же русскомъ языкѣ, но и самый предметъ преподаванія польскаго языка отошелъ на задній планъ, сталъ необязательнымъ, назначался послѣ другихъ уроковъ, не имѣлъ никакого значенія при выдачѣ аттестата, а, когда разрушители нашли, что и этого недостаточно, рѣшено было безъ всякой церемоніи оставить уроки польскаго языка единственно въ видѣ средства для упражненія въ русскомъ языкѣ [1]). Обученіе исторіи превратилось въ орудіе особенно тягостнаго глумленія надъ польской молодежью. Достаточно прославившіеся учебники, дополненные изложеніемъ педагоговъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ, который владѣлъ и ихъ авторами, чернили въ глазахъ ребенка прошлое его народа, тѣмъ болѣе дорогое ему и тѣмъ страстнѣе идеализированное, чѣмъ ужаснѣе была текущая дѣйствительность, издѣвались надъ тѣмъ, что ребенокъ привыкъ считать въ родительскомъ домѣ святымъ и неприкосновеннымъ.

Школьныя правила напоминали ему на каждомъ шагу, что онъ принадлежитъ къ племени покоренному и осужденному на полное уничтоженіе. Достаточно припомнить, что въ стѣнахъ школы польскимъ дѣтямъ было запрещено разговаривать

---

[1]) Всеподданнѣйшая записка кн. Имеретинскаго за 1897 годъ и циркуляръ начальниковъ учебныхъ дирекцій отъ 18 сентября 1899 г., предписывающій пользованіе уроками польскаго языка для переводовъ на русскій языкъ.

по-польски, а уличенный трижды въ этомъ „преступленіи“ исключался изъ заведенія. Большая часть учительскаго персонала состояла изъ ревностныхъ охранителей и исполнителей этихъ „законовъ“, наносящихъ ущербъ цивилизаціи. При подобныхъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о нравственномъ вліяніи школы на молодежь. Въ отношеніи учениковъ къ учителямъ господствовала враждебность, какая существуетъ между жертвой и преслѣдователемъ. Молодыя души были проникнуты чувствомъ глубокаго недовѣрія и нерасположенія. Ребенокъ, который не успѣлъ еще усвоить себѣ первоначальныхъ свѣдѣній объ окружающихъ его явленіяхъ жизни, привыкалъ уже ненавидѣть и именно тѣхъ, которые должны были бы быть его естественными друзьями и руководителями. Онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ и раздраженнымъ, преслѣдуемымъ въ школѣ и внѣ школы. Широко распространенная система шпіонства пріучала его къ скрытности и обману.

Средняя школа была какъ бы источникомъ пополитическаго воспитанія, она будила и поддерживала ненависть къ учителямъ, къ правительству которое ихъ назначало, къ народу, изъ среды котораго они вышли и ко всей системѣ, принуждавшей выносить ихъ.

Юноша, выходившій изъ этого мѣста пытки, и переступившій черезъ порогъ университета, являлся уже вполнѣ готовымъ кандидатомъ на роль политическаго агитатора; онъ бросался въ вихрь студенческой жизни, принималъ живое и активное участіе въ дѣятельности тайныхъ обществъ, рас-

пространялъ запрещенныя изданія, потомъ попадалъ въ крѣпость, высылался на ближній или дальній востокъ или же, во избѣжаніе преслѣдованія или тюрьмы, скрывался за границу. Такъ создавался въ апухтинской школѣ типъ польскаго политическаго дѣятеля.

Спустимся ступенькой ниже, заглянемъ въ начальную школу въ деревнѣ и въ городѣ.

Одинъ изъ нашихъ историковъ-публицистовъ обратилъ недавно вниманіе на русское правительственное изданіе, предназначенное для ознакомленія Европы съ Россіей и вышедшее подъ заглавіемъ: „*Statesmans Handbook for Russia ed. by the Chancery of the Commithee of ministers*“. Въ этомъ изданіи встрѣчается лаконическая замѣтка, позорящая насъ передъ всѣмъ свѣтомъ: „высшій процентъ неграмотныхъ среди рекрутовъ доставляетъ Царство Польское и Сибирь“.

Такъ оно и есть въ дѣйствительности. По послѣднимъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ — среди новобранцевъ 1905 г. средняя цифра безграмотныхъ въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи достигала 37%, а въ Царствѣ Польскомъ 61,7%.

Эти цифры являются результатомъ общаго состоянія просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ.

По поводу одной польской рѣчи въ Ш Думѣ завязалась рѣзкая полемика между польской и русской прессой по вопросу: преуспѣваетъ ли у насъ просвѣщеніе и народныя школы или нѣтъ?

Я думаю, что существуютъ цифровыя данныя, которыя устраняютъ всякія сомнѣнія по этому вопросу.

Произведенное въ свое время министерствомъ нар. просвѣщенія и канцеляріей ген. губернатора разслѣдованіе выяснило, что съ 1882 по 1894 г. (Апухтинское время) народное просвѣщеніе понизилось: въ 1882 г. проходилось по одному ученику начальной школы на 35 жителей, а 15 лѣтъ спустя на 38 жителей, т. е., что число учениковъ народныхъ школъ въ отношеніи ко всему крестьянскому населенію уменьшилось на 8%.

Въ концѣ апухтинскаго періода одна школа приходилась на 2150 жителей, а въ 1882 году — только на 1925 жит. Но эти цифры, по мнѣнію В. І. Гурко [1]), только тогда пріобрѣтаютъ настоящее значеніе, когда принимается во вниманіе, что изъ числа учениковъ, поступившихъ въ народныя школы, едва только 4,4% оканчиваютъ курсъ, остальные выходятъ изъ школы до окончанія курса, послѣ перваго же года ученья, по окончаніи второго года отпадаетъ уже 75%, при этомъ надо еще замѣтить, что крестьянскія дѣти посѣщаютъ школу не болѣе 50 разъ въ годъ.

Не менѣе краснорѣчива статистика послѣднихъ лѣтъ.

По даннымъ статсъ-секретаря Куломзина, предсѣдателя коммиссіи по всеобщему образованію, оказывается, что, не смотря на сравнительно высокую культуру и густоту населенія края, число народныхъ школъ и учащихся въ нихъ въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время значительно меньше соотвѣтствующей средней цифры въ Госу-

---

[1]) „Очерки Привислянья", стр. 275

дарствѣ (у насъ одна школа на 2552, во всемъ государствѣ—на 1967).

По подсчетамъ того-же статсъ-секретаря Кулomзина, основаннымъ на данныхъ министерства народнаго просвѣщенія, расходъ казны на одного ребенка въ школьномъ возрастѣ (отъ 8 до 11 лѣтъ) равняется во всемъ государствѣ 1 р. 70 к. на каждаго, а въ Царствѣ Польскомъ всего 69 к.

Цифры эти говорятъ сами за себя и не требуютъ комментарій.

Въ городахъ и посадахъ съ населеніемъ въ $1\frac{1}{2}$ мил. жителей дѣло народнаго просвѣщенія обстоитъ не лучше. Въ нихъ оказалось всего какихъ нибудь двѣсти школъ съ 40 тыс. учениковъ. Въ Варшавѣ около 100 тыс. дѣтей школьнаго возраста росло безъ всякаго надзора, въ полномъ невѣжествѣ,—представляя собою готовую добычу для нужды и порока.

И этотъ вопросъ стоитъ въ тѣсной причинной связи съ слѣдующимъ звеномъ: съ ужасающимъ паденіемъ нравственности, съ одичаніемъ массъ, какого мы не найдемъ ни въ одной изъ цивилизованныхъ странъ Европы. Однако, одичаніе это не является продуктомъ и явленіемъ послѣдняго времени, какъ это могло бы казаться. Оно восходитъ къ началу девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка. Статистика преступленій показываетъ намъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число малолѣтнихъ преступниковъ въ Царствѣ Польскомъ возросло до 46%, тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ всего до 14% [1]).

[1]) Среди лицъ, осужденныхъ судомъ — 80% безграмотныхъ.

Уже давно наше общество обратило вниманіе на это огрубѣніе нравовъ. Зрѣлище безпрестаннаго роста пролетаріята, его нравственное вырожденіе, все увеличивающееся, безпрестанно повторяющіяся покушенія на человѣческую жизнь,—наконецъ новое бѣдствіе, ростущее въ городахъ и посадахъ этотъ новый типъ злодѣя—"ножевщикъ". Все это наполняетъ насъ, все польское общество, величайшей тревогой и ужасомъ. Отличительной чертой нашей жизни, неизвѣстной до сихъ поръ ни намъ ни нашимъ предкамъ, и является именно это полное паденіе нравственнаго чувства въ массахъ.

Но, спрашивается, могло ли быть иначе?

Правительство все свое вниманіе сосредоточило на одномъ, всѣ свои силы, все напряженіе свое отдавало всегда одному — политической борьбѣ съ польскимъ обществомъ. Естественно, что въ рукахъ его не оказывалось средствъ (если бы даже оно хотѣло это) самому заняться культурной работой, отдать же ее въ руки общества оно не желало. Всегда держась политики, которая должна была вызывать въ польскомъ обществѣ ожесточеніе и отпоръ, правительство въ тоже время не допускало и образованія культурныхъ организацій, которыя объединяя извѣстный элементъ общества, могли бы усилить его и дать ему возможность культурнаго и моральнаго вліянія. Свято вѣруя въ русскую школу, какъ въ самое вѣрное орудіе обрусенія, оно думало, что даже самая ничтожная уступка въ этой области можетъ отдалить желанный часъ, когда, по предсказанію Апухтина, мать—полька будетъ пѣть русскую пѣсенку надъ колыбелью ребенка.

Наконецъ правительство усердно и ревниво охраняло душу польскаго крестьянина отъ вліянія интелигенціи.

Помѣщиковъ и вообще всю интелигенцію края обыкновенно обвиняли въ томъ, что народъ въ Польшѣ загнанъ, что на него смотрятъ, какъ на „быдло", что для улучшенія крестьянскаго быта образованные классы ничего не дѣлаютъ. Это была излюбленная тема всѣхъ русскихъ публицистовъ. Но въ то же время, осыпая насъ этими тяжелыми упреками, никакой работы съ народомъ и для народа намъ не разрѣшали—ни въ области просвѣщенія, ни въ области вообще культурной, ни даже наконецъ экономической. Намъ было запрещено все. Какъ далеко шло въ этомъ направленіи правительство, можно судить хотя бы по слѣдующему. Извѣстно какъ низокъ уровень просвѣщенія въ массахъ. И вотъ, какъ бы въ довершеніи всего, какъ бы для того, чтобы окончательно уничтожить всякую возможность благотворнаго вліянія на школу, изъ нея изгнали ксендза. По даннымъ оффиціальной статистики за 1895 г., изъ двухъ тысячъ народныхъ школъ только въ 134 Законъ Божій преподавало католическое духовенство. Въ остальныхъ или совсѣмъ не было уроковъ Закона Божія, или преподаваніе его поручалось свѣтскимъ учителямъ, не рѣдко православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданій. Далѣе,— процессъ, созданный неслыханно быстрымъ ростомъ фабричной промышленности въ Царствѣ Польскомъ, причемъ рабочіе набирались главнымъ образомъ изъ деревенскаго пролетаріата, могъ совершаться при нормальномъ порядкѣ вещей только путемъ

огромной и напряженной работы, культурной и этической, надъ этимъ сырымъ матеріаломъ.

Но обстоятельства не благопріятствовали такой работѣ.

Въ Варшавѣ и въ фабричныхъ округахъ деморализація распространялась съ ужасающей быстротой. И какъ могла она не распространяться, когда государство преслѣдовало всякія попытки культурнаго воздѣйствія на массы, когда оно строго наказывало только за то, что бѣдныхъ дѣтей обучали на родномъ языкѣ, штрафовало на 300 руб. и заключало въ тюрьму до трехъ мѣсяцевъ за такія, стало быть, дѣйствія, за которыя въ странахъ западной Европы ставятъ людямъ памятники. Еще не забытъ тотъ фактъ, когда изъ варшавскихъ пріютовъ было выброшено до двухъ тысячъ дѣтей за то, что ихъ учили читать и писать по польски и за то, что нѣкоторые изъ нихъ превысили возрастъ, обозначенный въ формальныхъ правилахъ. Ихъ выбросили на улицу. Пусть растутъ нравственными дичками, пусть знакомятся съ нуждой, пусть пристрастятся къ пороку, лишь бы только торжествовала доктрина.

А потомъ удивлялись откуда это въ Царствѣ Польскомъ, въ самомъ концѣ XIX вѣка, развелось столько „ножевщиковъ“, а въ періодъ революціи— столько „экспропріаторовъ“!

VIII.

Устраненіе чиновниковъ — поляковъ. Какимъ чиновничьимъ матеріаломъ вмѣсто устраненныхъ поляковъ могло пользоваться правительство для осуществленія своихъ замысловъ. Причины низкаго уровня русской бюрократіи въ Царствѣ Польскомъ.

Въ процесѣ устраненія отъ службы польскихъ чиновниковъ мы наблюдаемъ различныя фазы. Въ первую—сейчасъ же вслѣдъ за 1864 г. — вопросъ сводился только къ высшимъ должностямъ, къ такимъ, которыя, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, должны быть замѣщены русскими. Еще въ 1876 г. при проведеніи судебной реформы [1], по предложеніи министра юстиціи графа Палена, былъ принятъ тотъ принципъ, что половина судей должна состоять изъ поляковъ, половина изъ русскихъ. По съ теченіемъ времени эти взгляды измѣнились. Въ настоящее время въ отдѣленіяхъ суда на 39 предсѣдателей и ихъ товарищей осталось два поляка, на 124 члена окружныхъ и коммерческихъ судовъ 15 поляковъ, на 70 мировыхъ судей только 1 полякъ, на 139 судебныхъ слѣдователей—31 полякъ, въ прокуратурѣ—ни одного. Въ теченіи тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ полякъ, окончившій юридическій факультетъ въ русскомъ университетѣ, хотябы и съ золотой медалью, не могъ расчитывать на полученіе въ судѣ должности выше помощника секретаря. Кто

---

[1]) Надо замѣтить, что судебная реформа 1876 г. не только устранила изъ суда польскихъ судей и ввела устныя сношенія непремѣнно черезъ переводчика между судьями, обвиняемыми и свидѣтелями, но она не допустила вмѣстѣ съ тѣмъ суда присяжныхъ, совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, выборныхъ мировыхъ судей и т. д.

же хотѣлъ итти дальше, долженъ былъ уѣзжать въ глубину Россіи, за Уралъ и дальше. Тоже самое происходило и въ другихъ областяхъ общественной службы. Въ 1891 г. рѣшено было на жел. дорогахъ всѣ должности начальниковъ отдѣловъ замѣстить русскими, но два года спустя и этого показалось мало. Возникъ новый проектъ, который и былъ утвержденъ, но вслѣдствіе перемѣны царствованія не вошелъ цѣликомъ въ жизнь, а получилъ только частичное примѣненіе. Въ немъ предлагалось вообще ограничить число поляковъ, служащихъ на жел. дорогахъ въ Царствѣ Польскомъ, на разныхъ должностяхъ до 20%, а на среднихъ до 5%. Какъ уже сказано выше, проектъ этотъ не былъ проведенъ въ полной мѣрѣ, однако же въ теченіе двухъ лѣтъ на жел. дорогахъ: Привислянской, Тереспольской и Домбровской успѣли удалить около 700 служащихъ поляковъ, а на ихъ мѣсто водворить русскихъ, выписанныхъ изъ внутреннихъ губерній.

Вообще во всѣхъ областяхъ государственной службы началось постепенное систематическое удаленіе поляковъ не только съ тѣхъ должностей, гдѣ служащій можетъ оказать извѣстное политическое вліяніе, но даже съ такихъ, на которыхъ самые спокойные люди руководились только одной заботой, какъ бы честнымъ и добросовѣстнымъ трудомъ заработать кусокъ хлѣба; удаляли нетолько съ среднихъ должностей, но даже съ самыхъ низшихъ, такъ напр. удаляли разсыльныхъ и сторожей поляковъ.... Даже желѣзнодорожныхъ носильщиковъ замѣнили выписанными *ad hoc* рускими артельщиками.

Дошло до того, что въ то самое время, когда поляки, не отрекаясь отъ своего польскаго происхожденія, могли занимать въ центрѣ государства, лишь-бы подальше отъ своей родины, высокіе правительственные посты въ родѣ: главнаго интенданта арміи, главнаго военнаго прокурора, командующаго войсками округа, комендантовъ корпусовъ, директоровъ и вице директоровъ департаментовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ своей добросовѣстной и ревностной службой пріобрѣтали уваженіе властей, въ то же самое время въ Царствѣ Польскомъ переусердствовавшіе гонители и обрусители вмѣняли въ преступленіе бѣдному сторожу, носильщику, разсыльному его польское происхожденіе и обрекали его на изгнаніе и нужду.

При той политической системѣ, которую я изобразилъ выше, принимая во вниманіе задачи правительства, отстранившаго общество отъ всякой культурной работы, отъ всякаго участія въ правительственныхъ учрежденіяхъ и отъ самоуправленія, и тѣмъ самымъ очистившаго себѣ широкое поле дѣятельности на культурной и экономической почвѣ, а въ области политики пользовавшагося почти дискреціонной властью, важнымъ и естественнымъ является вопросъ: какимъ же чиновничьимъ матеріаломъ, вмѣсто устраняемыхъ поляковъ, располагало правительство для осуществленія этихъ цѣлей?

Матеріалъ этотъ былъ ниже средняго достоинства. Русскій чиновникъ, выписанный изъ глубины Россіи,—ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи не стоялъ высоко.

Генералъ-губернаторъ кн. Имеретинскій въ сво-

ей всеподданнѣйшей запискѣ отъ 1898 г. изображаетъ его въ очень невыгодномъ свѣтѣ[1]).

В. I. Гурко въ своихъ „Очеркахъ Привислянья", восхваляя русскихъ стоящихъ во главѣ правительственныхъ учрежденій, выражается очень рѣзко о составѣ низшихъ чиновниковъ—русскихъ пріѣзжающихъ изъ Россіи—упрекая ихъ въ недобросовѣстности и другихъ нравственныхъ недостаткахъ[2]).

Ограничиваясь двумя вышеприведенными мнѣніями русскихъ авторитетныхъ сановниковъ о русскихъ чиновникахъ, я долженъ защитить себя отъ возможнаго подозрѣнія въ томъ, что я имѣлъ въ

---

[1]) „Замѣняя польскихъ чиновниковъ русскими, отстраняя такимъ образомъ значительный контингентъ поляковъ отъ государственной службы, которая, какъ болѣе почетная и обезпечивающая на старость лѣтъ, стоитъ гораздо выше всякихъ частныхъ занятій, правительство этимъ самымъ приноситъ извѣстной части польскаго общества ущербъ и лишаетъ его своего довѣрія. Поставленное въ невозможность не подчиниться столь суровой и нравственно оскорбляющей необходимости, польское общество, казалось-бы, должно найти справедливое вознагражденіе, по крайней мѣрѣ, въ отборномъ личномъ составѣ русскихъ людей, являющихся сюда на службу" (стр. 40).

„Уже при самомъ поступленіи своемъ на службу въ Царствѣ Польскомъ полуобразованный, недалекій умомъ, и плохо воспитанный русскій чиновникъ, по натурѣ своей добродушный, лѣнивый, простой, приноситъ съ собою цѣлый арсеналъ предвзятыхъ идей, которыми онъ рѣшаетъ руководствоваться, въ ожидающей его служебной дѣятельности. Привислянскій край представляется ему пламенѣющимъ очагомъ революціи. Въ каждомъ полякѣ онъ видитъ прежде всего покореннаго, но злѣйшаго врага государства и своего личнаго. На себя онъ смотритъ, какъ на побѣдителя и, въ силу изрѣченія: „побѣдителей не судятъ" — считаетъ себя свободнымъ отъ контроля не только общественнаго мнѣнія, но и собственной совѣсти" (стр. 41).

[2]) „Недобросовѣстность въ исполненіи служебныхъ обязанностей, пьянство, мелкое взяточничество — всѣмъ этимъ обладаютъ они въ изобиліи, что не мѣшаетъ, однако, и имъ предъявлять требованія на особое покровительство со стороны своего начальства, на томъ-же основаніи, что они русскіе." (Оч. Прив. стр. 135).

виду на основанiи этихъ мнѣнiй обобщить факты и сдѣлать невѣрное заключенiе. Мы, поляки, далеки отъ такой мысли, такъ какъ очень хорошо знаемъ русскихъ, которые выдѣляются изъ общей массы и характеромъ своимъ и своею интеллигентностью,—къ тому же по среднему русскому чиновнику, дѣйствующему въ нашемъ краѣ, нельзя, конечно, судить о составѣ всего русскаго чиновничества, а тѣмъ болѣе—о русскомъ народѣ.

Причинъ сравнительно низкаго нравственнаго и умственнаго уровня русской бюрократiи въ Польшѣ нѣсколько.

Прежде всего затруднительность выбора и подбора. Служба въ Царствѣ Польскомъ никогда не являлась заманчивой для тѣхъ, кто обладалъ достаточнымъ нравственнымъ и профессiональнымъ цензомъ. Прибавки къ жалованiю и пенсiи не служили особой приманкой. И на качества пришлыхъ чиновниковъ приходилось смотрѣть правительству сквозь пальцы по тѣмъ же самымъ соображенiямъ, въ силу которыхъ въ свое время были открыты передъ семинаристами двери варшавскаго университета.

Политическая атмосфера въ Царствѣ Польскомъ, состоянiе постояннаго антагонизма между обществомъ и правительствомъ, а слѣдовательно, между поляками и русскими, атмосфера, насыщенная чувствами взаимнаго нерасположенiя, предубѣжденiя, подозрѣнiй и ненависти, все это роковымъ образомъ влiяло на душу русскаго чиновника призваннаго на службу въ польскомъ краѣ. Такого испытанiя не выдерживали даже люди съ сильнымъ характеромъ.

Но особенно убійственно дѣйствовала на русскаго чиновника система незакономѣрныхъ дѣйствій правительства и основанная на ней школа самоуправства и безнаказанности правительственныхъ агентовъ.

IX.

Отсутствіе правомѣрности въ политическомъ управленіи. Примѣры изъ школьныхъ отношеній.

Независимо отъ законодательныхъ репрессій, населеніе Царства Польскаго страдало еще и отъ того, что мѣстная бюрократія совершенно не считала себя обязанной придерживаться даже Высочайше утвержденныхъ постановленій и самовольно нарушала ихъ, разумѣется—во вредъ населенію. Законы обходились, перетолковывались по своему, часто примѣнялись способомъ, явно противорѣчившимъ волѣ законодателя, растягивались, какъ резина выше мѣры и надобности. Толкованіе и примѣненіе закона зависѣло отъ административной власти, даже отъ низшихъ ея исполнителей. Законъ былъ замѣненъ беззаконіемъ.

Не имѣя возможности изложить всю исторію неправомѣрности политическаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, я позволю себѣ привести лишь нѣсколько краснорѣчивыхъ и яркихъ примѣровъ изъ школьныхъ отношеній. Такъ напримѣръ, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ никогда не существовало, кажется, сомнѣній въ томъ, что въ начальныхъ школахъ Царства Польскаго римско-католи-

ческій Законъ Божій должны преподавать католическіе законоучители. Это было вполнѣ ясно [1]).

Въ силу Выс. Указа отъ 30 Августа 1864 г. сельскимъ гминамъ предоставлялось право самимъ избирать ксендзовъ на должность учителя Закона Божья. Но такъ какъ школьныя власти постоянно обходили это постановленіе, то въ февралѣ 1890 г. въ Петербургѣ состоялось спеціальное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ министра нар. просвѣщенія, на которомъ было постановлено, при утвержденіи законоучителей, руководиться вышеприведеннымъ постановленіемъ. „Не смотря на такое единогласное постановленіе (пишетъ варшавскій ген. губ. Гурко въ своей всеподданнѣйшей запискѣ 1891 г.) мѣра эта вовсе не была проведена въ жизнь". Отчеты за 1891—2 учебный годъ показываютъ, что въ большей части народныхъ школъ Законъ Божій вовсе не преподавался, въ 58 обученіе было поручено лицамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, а въ 44—православнаго. Противъ такого упорства учебнаго округа ген. Гурко выдвигаетъ новое, Высочайше утвержденное, постановленіе комитета министровъ отъ 16 марта 1892 г., которое казалось должно было разрѣшить окончательно этотъ вопросъ.

Но и на этотъ разъ воля центральныхъ властей осталась невыполненной.

---

[1]) Комитетъ министровъ въ засѣданіи 29 Апрѣля 1896 г. постановилъ: „Допущеніе къ преподаванію католической религіи лицами другихъ вѣроисповѣданій не должно быть терпимо, какъ оскорбляющее религіозныя чувства населенія и могущее вызвать въ немъ справедливое возмущеніе противъ правительства".

Попечитель учебнаго округа Апухтинъ розослалъ циркуляръ Комитета министровъ для принятія къ свѣдѣнію и исполненія, но прибавилъ отъ себя маленькое разъясненіе: что школы, въ которыхъ Законъ Божій будутъ преподовать ксендзы, должны быть посѣщаемы представителями губернской власти: коммиссарами по крестьянскимъ дѣламъ и земскими стражниками, а каждый изъ этихъ ревизоровъ „путемъ опроса дѣтей" долженъ слѣдить „за правильнымъ ходомъ занятій".

Цѣль была достигнута. Прошло пять лѣтъ, и замѣститель ген. Гурки снова жалуется центральнымъ властямъ: „народная школа лишена ксендза" (стр. 19 отчета кн. Имеретинскаго за 1897 г.)

Еще примѣръ.

Въ 1881 г., по представленію варшавскаго ген. губернатора Альбединскаго, былъ изданъ императорскій указъ объ усиленіи преподаванія польскаго языка и увеличеніи числа часовъ по этому предмету. Указъ этотъ вовсе не былъ приведенъ въ исполненіе. Учебныя власти Царства Польскаго спрятали его подъ сукно. И уроки польскаго языка по прежнему продолжали играть служебную роль въ качествѣ подспорія для расширенія знанія въ русскомъ языкѣ. А въ день юбилея Апухтина была издана въ Москвѣ въ честь его брошюра, въ которой, между прочими его заслугами, упоминалось и о томъ, что онъ сумѣлъ не допустить до выполненія Высочайшаго указа.

Не буду приводить другихъ примѣровъ, укажу только еще одинъ изъ самаго недавняго прошлого, изъ лѣтописей минувшаго года

Извѣстно, что 6/19 іюня 1905 года Комитетъ министровъ, разсматривая вопросъ объ отмѣнѣ національныхъ и политическихъ ограниченій въ Царствѣ, постановилъ, что въ частной средней школѣ въ Царствѣ всѣ предметы могутъ быть преподаваемы на польскомъ языкѣ за исключеніемъ русскаго языка, исторіи и географіи. Неточность выраженія вызвала споръ, слѣдуетъ ли подъ этимъ выраженіемъ подразумѣвать всеобщую исторію и географію или только русскую. Три министра: народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности и земледѣлія, отъ которыхъ зависятъ школы въ Царствѣ, обратились въ Сенатъ за разъясненіемъ этого пункта и въ тоже время выразили свое единогласное мнѣніе, подкрѣпленное аргументами въ томъ смыслѣ, что всеобщая географія и всеобщая исторія должны преподаваться по польски. Вопросъ этотъ разсматривается въ Сенатѣ уже три года и прошелъ разныя фазы, но и до сихъ поръ не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Но варшавскій учебный округъ, не смотря на то, что въ числѣ министровъ, ходатайствующихъ передъ Сенатомъ о резолюціи, на основаніи которой преподаваніе всеобщей исторіи и географіи моглобы быть ведено въ частныхъ польскихъ школахъ по польски, былъ и министръ народнаго просвѣщенія, предрѣшилъ постановленіе Сената и, руководствуясь своими собственнымъ убѣжденіями, дѣло рѣшилъ въ отрицательномъ смыслѣ. Подъ угрозой закрытія школъ [1]) и административныхъ притѣсне-

[1]) Крайне любопытный свѣтъ бросаетъ на отношенія въ Царствѣ Польскомъ вопросъ о правѣ закрывать частныя школы. По закону о военномъ положеніи право это принадлежитъ генералъ-губернатору,

ній, частныя школы принуждены были ввести преподаваніе географіи и всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ.

А Сенатъ между тѣмъ будетъ продолжать подыскивать принципіальное разрѣшеніе этого вопроса.

Въ Высочайше утвержденномъ протоколѣ совѣщанія комитета министровъ отъ 6/19 іюня 1905 года это положеніе вещей было достаточно выразительно удостовѣрено и подверглось порицанію:

„Комитетъ министровъ (читаемъ мы въ офиц. протоколѣ, напечатанномъ въ Прав. Вѣстникѣ) не можетъ не высказать мнѣнія, что намѣренія высшаго правительства, выраженныя въ порядкѣ законодательномъ или верховнаго управленія, въ иныхъ случаяхъ произвольно толкуются подчиненными органами и, не получая на мѣстахъ въ примѣненіи своемъ того значенія, которое должно бы имъ принадлежать, вызываютъ иногда серьезныя замѣшательства въ развитіи важнѣйшихъ сторонъ общественной жизни. Дѣятельность учебнаго начальства находилась нерѣдко въ прямомъ противорѣчьи съ политикою представителя высшей власти въ краѣ—Генералъ-Губернатора. Основываясь на неясностяхъ закона, иногда распространительно толкуя постановленія онаго, учебный персоналъ возбуждалъ среди населенія недовольство преслѣдованіемъ въ школѣ всего польскаго, въ значительной степени парализуя примирительную политику Генералъ-Губернатора и ослабляя ея результаты“.

Если даже Высочайшіе указы игнорируются и остаются невыполненными, то что же тутъ говорить о самыхъ обыкновенныхъ статьяхъ закона

онъ можетъ закрыть ихъ на все время военнаго положенія. При „чрезвычайной охранѣ“ право это распространяется только на одинъ годъ дальнѣйшее—зависитъ отъ Совѣта Министровъ. Въ томъ-же Сводѣ Законовъ, гдѣ помѣщены статьи объ исключительныхъ положеніяхъ, находится незамѣтная статейка, гласящая о томъ, что закрыть школы навсегда можетъ попечитель учебнаго Округа, если убѣдиться, что онѣ не выполняютъ предписаній. Представители школьной власти у насъ пользовались этимъ параграфомъ ad libitum.

и оффиціальныхъ постановленіяхъ. Примѣненіе ихъ зависѣло отъ личныхъ взглядовъ чиновниковъ, которые всегда могли объяснить каждое отступленіе отъ закона или нарушеніе обязательныхъ постановленій „политическими соображеніями“ и такимъ спосɔбомъ легко обезпечивали себѣ полную безнаказанность.

Эти нарушенія дѣйствующихъ распоряженій и законовъ самими правительственными агентами, которые должны были быть ихъ законными стражами, конечно дѣйствовали на общество какъ единственная въ своемъ родѣ не имѣющая себѣ примѣра политическая педагогія. Развѣ могло это общество, правильно или неправильно, не видѣть въ этихъ нарушеніяхъ оправданія для себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему казалось, что существуетъ противорѣчіе между его патріотической совѣстью и закономъ.

X.

Царство Польское уже 47 лѣтъ состоитъ на военномъ положеніи. Неудержимое стремленіе уничтожить все, что составляло мѣстный польскій элементъ. Теорія молота и наковальни.

Край былъ задержанъ въ своемъ культурномъ развитіи. Правда подъ вліяніемъ таможенныхъ пошлинъ въ золотѣ, въ немъ создались огромные очаги промышленности (теперь угасающіе) по многимъ отраслямъ производства, но съ точки зрѣнія цивилизаціи онъ несомнѣнно отсталъ. Виновата же въ этомъ политика, которая строго запрещала всякія

общественныя организаціи, всякое объединеніе даже на почвѣ чисто экономическихъ интересовъ

Разрѣшивъ 30 лѣтъ тому назадъ открыть три ссудо-сберегательныя кассы (въ Кутнѣ, Вискиткахъ, Озорковѣ), правительство затѣмъ въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ не даетъ разрѣшенія и на такія предпріятія. Такія общества какъ кредитныя, акціонерныя промышленныя и взаимопомощи должны были претерпѣвать всевозможныя затрудненія. Только начиная съ 1897 г. позволено было открывать земледѣльческія общества, а лишь послѣ 1905 г. явилась возможность образованія всевозможныхъ союзовъ и обществъ.

Уже 47 лѣтъ Царство Польское состоитъ на военномъ положеніи. Будучи введено въ 1862 г. положеніе это никогда формально не снималось. И чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что Царствомъ Польскимъ нельзя управлять въ порядкѣ закономѣрности и въ духѣ справедливости, черезъ 13 лѣтъ послѣ возстанія, въ періодъ полнаго затишья, одновременно съ проведеніемъ общей судебной реформы,было издано постановленіе Комитета по дѣламъ Царства Польскаго о „сохраненіи правъ мѣстной администраціи налагать денежныя и личныя кары, безъ постановленія суда за политическія преступленія и нарушеніе правилъ военнаго положенія“.

Это постановленіе, названное временной мѣрой, удержалось въ продолженіе 28 лѣтъ.

И въ настоящее время Царство Польское представляетъ собою образецъ всѣхъ формъ исключительныхъ положеній: военнаго, усиленной охраны

и чрезвычайной охраны. Постановленіями, вытекающими изъ этихъ исключительныхъ положеній, пользуются обыкновенно не только для того, чтобы пресѣкать преступленія но и для того, чтобы регулировать общественную жизнь.

Цензура не только преслѣдовала всякую политическую мысль, но запрещала журналисту заниматься самыми необходимыми, самыми насущными вопросами мѣстной жизни, не имѣющими ничего общаго съ политикой. Газеты были переполнены статьями по совершенно эгзотическимъ вопросамъ, чуждымъ нашему обществу. О томъ, что творилось въ Царствѣ, легче можно было узнать изъ берлинскихъ или вѣнскихъ газетъ, а особенно, изъ галиційскихъ (контрабанднымъ путемъ провозившихся черезъ границу), чѣмъ изъ варшавскихъ. Даже прилагательное „польскій“ стало нецензурнымъ и было замѣнено прилагательнымъ „мѣстный“. Польская исторія, даже въ историческихъ романахъ, перечеркивалась карандашомъ цензора: то была пора, когда можно было печатать историческія повѣсти, касающіяся времени только до XIV вѣка.

И можетъ быть, это стѣсненіе печати ни для кого не было такъ мучительно, какъ именно для насъ, стремившихся распространять принципы умѣренности и политической трезвости. Наши противники, обращавшіеся къ обществу на страницахъ подпольной печати, имѣли въ своемъ распоряженіи совершенно свободную, ничѣмъ не стѣсненную трибуну. Для насъ же этотъ путь былъ закрытъ. Не могли же мы, осуждая нелегальныя средства борьбы, сами пользоваться ими, не внося противо-

рѣчія въ собственную программу. Оставалось пользоваться легальной печатью, которую карандашъ цензора лишалъ всякой силы и вынуждалъ прибѣгать для выраженія своихъ мыслей къ искалѣченному языку, неспособному никого ни въ чемъ убѣдить. Намъ позволено было призывать къ умѣренности, но нельзя было мотивировать свои положенія, нельзя было говорить, что именно этого требуетъ общественная польза, нельзя было ссылаться на любовь къ родинѣ. Самый главный, самый важный и единственный достигавшій цѣли аргументъ былъ у насъ вырванъ изъ рукъ, за то противники наши могли пользоваться имъ въ полной мѣрѣ. Въ этой неравной борьбѣ мы были заранѣе осуждены на пораженіе.

Рвеніе, съ которымъ вытравляли все, что составляло въ общественныхъ учрежденіяхъ мѣстный польскій элементъ, дошло до того, что обрусеніе наложило свою руку даже на несчастныхъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ и что даже умалишенныхъ польскаго происхожденія отдали въ руки русскаго врачебнаго персонала.

Но обрусительная горячка не ограничилась одними правительственными учрежденіями.

Въ 1893 г. русскій языкъ былъ введенъ въ земское кредитное общество, а въ 1897 году въ городскія кредитныя общества, 28 февраля 1898 г. издано было постановленіе, принуждающее къ пользованію исключительно русскимъ языкомъ во всѣхъ союзахъ, обществахъ и т. подобныхъ общественныхъ учрежденіяхъ во внутренней перепискѣ и частично въ счетоводствѣ. И все это подъ предлогомъ, чтобы

дѣятельность этихъ учрежденій могла быть контролируема властями. Для удобства нѣсколькихъ десятковъ чиновниковъ контролеровъ, гордящихся тѣмъ, что не знаютъ языка той страны, въ которой находятся на службѣ, всѣ учрежденія должны были примѣняться къ тѣмъ обременительнымъ условіямъ, которыя создало это распоряженіе. А между тѣмъ даже величайшій теоретикъ абсолютизма — Побѣдоносцевъ, въ засѣданіи Комитета министровъ 17 февраля 1898 г., высказался за то, что „руескіе, готовящіеся къ дѣятельнотти въ Привислянскомъ краѣ, должны были бы обладать знаніемъ мѣстнаго языка“.

Въ провинціи возможно было открывать клубы чисто общественнаго характера, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы половина членовъ правленія состояла изъ русскихъ, конечно, чиновниковъ, потому что другихъ русскихъ въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ,

Польскій языкъ мозолилъ глаза власти, какъ зло, которое слѣдуетъ искоренять вездѣ, куда только исполнительные органы могли проникнуть. Около 1890 г. варшавскій ген. губернаторъ, проѣзжая изъ Берлина въ Варшаву черезъ Познань, замѣтилъ, что на тамошнихъ станціяхъ виднѣются исключительно нѣмецкія надписи. По пріѣздѣ въ Варшаву онъ сейчасъ же издалъ распоряженіе—замазать во всѣхъ вагонахъ польскія буквы, а на желѣзнодорожныхъ зданіяхъ стереть всѣ польскія надписи, чтобы чужестранецъ, проѣзжая черезъ нашъ край и наблюдая его изъ окна вагона, не могъ даже догадаться, что передъ нимъ не коренная русская страна. На разъѣздахъ и переѣздахъ

были устранены надписи на польскомъ языкѣ, предостерегающія польскаго крестьянина отъ прохожденія по полотну желѣзной дороги въ неурочное время. Въ вагонахъ и отдѣленіяхъ ихъ могли быть частныя объявленія на какомъ угодно языкѣ,—только не на польскомъ.

Даже еврейскій жаргонъ могъ считать свое положеніе привилегированнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, въ какое былъ поставленъ польскій языкъ въ Царствѣ Польскомъ.

Таковы были условія, въ которыхъ жило польское общество въ теченіе 40 лѣтъ, таково было политическое воспитаніе поколѣнія, которому пришлось дѣйствовать въ эпоху русской революціи въ началѣ XX столѣтія.

Невольно напрашивается вопросъ: какова же была руководящая идея этого воспитанія, каково было политическое міровозрѣніе его руководителей и какою государственною необходимостью вызывалось оно?

На обложкѣ „Очерковъ Привислянья" помѣщены слѣдуюшія слова нѣмецкаго поэта-статиста:

Du muss herrschen und gewinnen,
Oder dienen und verlieren,
Leiden oder triumphiren,
Amboss oder Hammer sein.

Это четверостишіе не случайное литературное *motto*, это цѣлая программа, цѣлая философія стремленій, которыя нашли себѣ выраженіе въ системѣ, примѣнявшейся къ нашему краю въ теченіе 40 лѣтъ.

Это — философія, которая въ взаимныхъ отношеніяхъ народовъ видитъ лишь одинъ путь рѣшенія всякихъ столкновеній и недоразумѣній: одинъ долженъ быть „молотомъ", а другой „наковальней", одинъ долженъ попирать, а другой быть попраннымъ, постояннымъ чувствомъ одного должна быть радость побѣдителя, другого страданіе....

Не буду говорить о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ подобнымъ теоріямъ съ точки зрѣнія цивилизаціи, и можно ли такимъ путемъ осуществить государственныя задачи. Я бы только поставилъ одинъ вопросъ: возможно ли удивляться, послѣ всего этого тому, что человѣческая толпа, называемая обществомъ, живущая и руководствующаяся какъ всякая масса чувствами, что эта человѣческая толпа не можетъ помириться съ унизительною ролью, на которую обречена, что ее со страшной силою охватываютъ чувства возмущенія и протеста, тоски и жажды освободиться отъ связывающихъ ее цѣпей какою бы то ни было цѣною? Можно ли удивляться, что энергія польскаго общества, не находившая себѣ иного выхода, выражалась въ такихъ дѣйствіяхъ, которыхъ благоразуміе не оправдываетъ, толкнуть на которыя могло одно только отчаяніе?

Умѣренныя и примирительныя теченія.

XI.

Наши предшественники. Програмная формула умѣренныхъ элементовъ: равноправность съ признаніемъ культурныхъ и національныхъ особенностей.

Если когда нибудь, въ будущемъ, эти строки, описывающія условія, въ которыхъ жило польское общество и указывающія на политическія ошибки, совершенныя имъ въ моменты раздраженія и отчаянія, попадутъ въ руки какого нибудь историка польско-русскихъ отношеній, то онъ будетъ имѣть несомнѣнное право воскликнуть: какимъ же образомъ, въ этомъ, правда несчастномъ и по понятнымъ причинамъ выведенномъ изъ равновѣсія обществѣ, не нашлось однако людей болѣе выдержанныхъ, съ политическимъ опытомъ, помнящихъ горькіе уроки исторіи, близко знающихъ Россію, людей, которые съумѣли бы оріентироваться въ положеніи. А если такіе были, то почему они не остерегали и не убѣждали, почему не пробовали взять въ свои руки

политическое руководство? Если же они это дѣлали, то почему ихъ усилія не привели ни къ какимъ результатамъ? Наконецъ, неужели въ исторіи польско-русскихъ отношеній въ теченіи 40 лѣтъ послѣ возстанія, не было ни одного момента перемирія, свѣтлыхъ проблесковъ, а лишь одна, безпрестанная, ожесточенная борьба?

Были и такіе моменты, были и люди такіе.

Но все было напрасно.

Краткіе перерывы въ борьбѣ—прошли безслѣдно, а люди, старавшіеся осуществить примирительныя начала, не достигнувъ цѣли сходили со сцены на долго, а иногда и на всегда.

Попытки направленія польско-русскихъ отношеній на путь примиренія находятся въ тѣсной связи съ существованіемъ и дѣятельностью той политической группы, возникшей спустя нѣсколько лѣтъ послѣ возстанія, къ которой причисляю себя и я и которая уже нѣсколько лѣтъ выступаетъ подъ знаменемъ „партіи реальной политики.“

Нужно, слѣдовательно, сказать нѣсколько словъ объ этой группѣ.

Политическая идея, руководящая этой группой, отнюдь не новая. Она имѣетъ свою исторію, которая красной нитью тянется черезъ весь періодъ польской исторіи со времени потери самостоятельности.

Предшественниками нашими были тѣ люди, которые уже къ концу XVIII и въ началѣ XIX вѣка, какъ князь Чарторыскій, Фаддей Чацкій, ксендзъ Сташицъ и др., ясно выражали и громко проповѣдывали мысль о необходимости опереться на возраставшую въ своемъ могуществѣ Россію и ко-

торые, въ моменты наибольшаго расцвѣта надеждъ, связанныхъ съ именемъ Наполеона, остались однако вѣрными Императору Александру I и убѣждали своихъ сограждань ввѣрить ему свою судьбу.

Предшественниками нашими были тѣ люди, съ кн. Любецкимъ во главѣ, которые, усумнившись въ успѣшности вооруженной борьбы за свободу и международныхъ дипломатическихъ комбинацій, убѣжденные, что довольно уже было безполезно проливать польскую кровь, принялись съ ревностью за работу надъ внутреннимъ возрожденіемъ края. Когда послѣ Вѣнскаго конгреса 1815 года, Царство получило изъ рукъ Александра I-го конституцію, они усердно и самоотверженно старались направить народъ на новый путь, дѣлая все отъ нихъ зависящее, чтобы не допустить до катастрофы 1830 года.

Мы, наконецъ, прямые преемники той политической идеи, представителями которой до 1863 года были люди, стоявшіе на сторонѣ маркиза Велепольскаго, въ то время, когда онъ пользуясь довѣріемъ Монарха, пытался разрѣшить польскій вопросъ путемъ такихъ реформъ, которыя тогда были возможны. Эти сторонники гр. Велепольскаго всегда считали возстаніе и ведущіе къ нему политическіе заговоры, величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ.

Эта политическая идея, которая, вслѣдствіе подробно выясненыхъ мною причинъ, не могла никогда восторжествовать и утвердиться прочно въ нашемъ краѣ, не пропала однако безслѣдно въ омутѣ отчаянія, охватившемъ край послѣ неудачныхъ попытокъ. Идея эта просуществовала и существуетъ,

она крѣпка какъ логика, непоколебима—какъ историческая необходимость.

На этой основной идеѣ мы строимъ всю нашу политическую программу.

Потерявъ государственную самостоятельность, въ значительной степени по собственной винѣ, и не отвоевавъ своей независимости, несмотря на громаднѣйшія жертвы, польскій народъ сталъ въ историческую необходимость искать условій сохраненія и развитія своего быта въ предѣлахъ тѣхъ государствъ, съ которыми связала его судьба.

Въ русскомъ государствѣ, имѣя въ виду исторически сложившійся его внутренній строй, эти условія были опредѣлены нами уже тридцать лѣтъ тому назадъ—при первыхъ попыткахъ организаціи нашей политической группы—въ слѣдующей формулѣ:

> *Равноправіе съ признаніемъ національныхъ и культурныхъ особенностей, т. е.* а) осуществленіе принципа: равныя обязанности—равныя права, отмѣна всѣхъ исключительныхъ законовъ и ограниченій и уравненіе нашаго края въ области политическихъ правъ съ другими областями государства; б) уваженіе и признаніе особенностей, вытекающихъ изъ нашей національной самостоятельности и вѣками выработанной культуры, что влечетъ за собою попеченіе и охраненіе закономъ польской культуры, польской народности и польскаго языка и созданіе соотвѣтствующихъ этой цѣли учрежденій.

Суть и содержаніе этой программы опредѣля-

ли точно также направленіе и средства политической дѣятельности, исключая *eo ipso* всякія революціонныя попытки, заговоры, тайныя общества, подпольную печать. Единственно возможнымъ путемъ является легальная политическая и обществення дѣятельность.

Основаніемъ всей нашей дѣятельности и нашаго отношенія къ государству была *лойяльность* въ самомъ простомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ политической честности. Искренне и безъ задней мысли мы опредѣляли наше отношеніе къ государству слѣдующимъ образомъ:

— Считаясь съ условіями дѣйствительности, мы сознаемъ, что улучшеніе нашего быта можетъ осуществиться только постепенно. Но мы ни на одну минуту не перестанемъ при каждомъ удобномъ случаѣ стремиться легальнымъ путемъ къ осуществленію того, что составляетъ сущность нашей программы. Съ другой стороны, органически связанные съ Россіей, мы должны не только желать, но и содѣйствовать тому, чтобы Россія стала могущественнымъ и независимымъ отъ чужестранныхъ вліяній государствомъ и чтобы это государство во внутреннемъ своемъ строѣ достигло возможно высокой степени культуры и правоваго порядка. Содѣйствовать осуществленію этихъ задачъ мы должны сообща съ русскимъ народомъ, съ наиболѣе просвѣщенными и политически зрѣлыми его группами и дѣятелями.

Наша увѣренность въ лучшемъ будущемъ, которое можно осуществить мирнымъ путемъ составляла и составляетъ нашу силу, *raison d'être* на-

шей партіи И нужно признать, что сила эта не малая, если, не находя въ продолженіи столькихъ лѣтъ поддержки ни съ одной ни съ другой стороны, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, мы остались однако на своемъ посту, не опуская головы и не спуская знамени.

XII.

Политическія указанія въ 1904 году. Записка 23-хъ. Партія Реальной политики. Ея отношеніе къ выборамъ въ Думу.

Зная, какую помощь находили для себя наши противники у своихъ единомышленниковъ въ польскихъ закордонныхъ сосѣднихъ провинціяхъ, попытались и мы обратиться за поддержкой для нашихъ идей и нашей программы къ общественному мнѣнію умѣренныхъ круговъ этихъ провинцій. Въ мартѣ 1904 года, въ Вѣнѣ, состоялось частное политическое совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе представители разныхъ направленій, за исключеніемъ крайнихъ лѣвыхъ, подъ руководствомъ заслуженнаго политическаго дѣятеля гр. Войцѣха Дзѣдушицкаго, бывшаго въ то время предсѣдателемъ польскаго парламентскаго клуба въ австрійскомъ парламентѣ, а затѣмъ министромъ для Галиціи. На этомъ совѣщаніи были выработаны „Политическія указанія для настоящаго момента“ какъ матеріалъ для оріентаціи польскаго общественнаго мнѣнія и польской печати. Эти указанія имѣли характеръ вполнѣ частный, но спустя нѣкоторое время появились и въ печати[1]). Вотъ вкратцѣ ихъ содержаніе:

---

[1]) „Listy polskie“ („Польскія письма“) Краковъ 1904 г. стр. 237.

Въ первыхъ же параграфахъ —1, 2 и 4, въ которыхъ предвидится возможность реформы внутренняго строя Россіи, польское общество предостерегается отъ провокаторскихъ затѣй и осуждаются всякаго рода манифестаціи, могущія „раздражать чувства русскаго народа“. Ст. 3-я поощряетъ къ „несенію помощи раненымъ и больнымъ на Дальнемъ Востокѣ“. Ст. 5-я намѣчаетъ программу политической дѣятельности въ предѣлахъ закона, указывая какъ цѣль постепенное полное гражданское, политическое и религіозное уравненіе правъ Поляковъ съ Русскими и православными, во всѣхъ областяхъ Россійской Имперіи, при одновременномъ распространеніи на польскія области того самоуправленія, которымъ пользуются другія части государства и отмѣны всѣхъ направленныхъ противъ поляковъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, признаніи правъ польскаго языка въ школѣ, судѣ и присутственныхъ мѣстяхъ, безъ умаленія значенія русскаго языка, какъ языка государственнаго. Ст. 6-я и 7-я касаются внутренней работы надъ укрѣпленіемъ національныхъ чувствъ и сознанія. Ст. 8-я говоритъ о необходимости „дружественныхъ отношеній съ русскимъ обществомъ“ и осуждаетъ „односторонній и узкій національзмъ“. Поощрая вездѣ и всегда открытую и законную дѣятельность, ст. 9-я допускаетъ однако исключеніе для „работы надъ просвѣщеніемъ народа и распространеніемъ знанія отечественнаго языка и исторіи, что къ сожалѣнію должно производиться въ тайнѣ, пока политическій разумъ и чувство справедливости не сдѣлаютъ возможнымъ вести эту работу совершенно открыто“.

Но, тотчасъ же, въ слѣдующей 10-й ст. авторы „Политическихъ Указаній“ осуждаютъ всякія попытки „превратить эту работу въ революціонную или соціалистическую агитацію“ и высказываютъ сожалѣніе по поводу содержанія нѣкоторыхъ распространяемыхъ среди народа изданій, въ особенности газеты „Polak“. Наконецъ, послѣдняя 11-я ст. порицаетъ изданіе воззваній, вселяющихъ убѣжденіе, будто существуетъ какая то тайная національная власть.

Въ октябрѣ 1904 года наша группа рѣшила, въ виду того характера, который приняли событія, обратиться къ правительству съ представленіемъ о необходимости измѣненія дѣйствующей въ краѣ системы управленія и удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ нуждъ населенія. Это была такъ называемая записка 23-хъ, сдѣлавшаяся потомъ столь громкой[1]), представленная тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мірскому. Исходя изъ той точки зрѣнія, что предметомъ нашихъ заботъ является нетолько „благо всего края, но и польза цѣлаго государства“, мы указали на тѣ ужасныя условія, въ которыхъ находится край и на необходимость реформъ въ духѣ „равноправія, терпимости и признанія тѣхъ спеціальныхъ потребностей, источникомъ которыхъ является инди-

---

[1]) Ее подписали: И. Барановски, Князь В. Святополкъ Четвертински, Ксендзъ Хелмицки, Е. Добецки, А. Донимирски, М. Годлевски, А. Грендышински, К. Комеровски, Гр. А. Красински, Кн. З. Любомірски, Гр. Ст. Лубенски, I Островски, Э. Пильцъ, Гр. Іосифъ Потоцки, Гр. Г. Потоцки, Кн. М. Радзивиллъ, В. Спасовичъ, А. Страшевичъ, А. Улиговски, Гр. И. Тарновски, Б. Вернеръ, Гр. З. Велепольски Ст. Выджга.

видуальныя особенности края—кроющіяся въ его исторіи, языкѣ и культурѣ“.

Этотъ актъ, составленный съ расчетомъ на представленіе высшимъ государственнымъ сферамъ, осторожный въ своихъ выводахъ и сдержанный въ формѣ, былъ представленъ кн. Святополкъ-Мірскому въ октябрѣ 1904 года, но онъ былъ опубликованъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ (1905 г.), уже послѣ новыхъ военныхъ бѣдствій, постигшихъ Россію, послѣ съѣзда земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ, вслѣдъ за другими, болѣе рѣшительными обращеніями къ правительству съ польской стороны, въ моментъ общаго возбужденія умовъ во всей Россіи и въ нашемъ краѣ. Онъ вызвалъ страстные критическіе отзывы и негодованіе среди болѣе горячихъ элементовъ польскаго общества.

Въ октябрѣ 1905 г., воспользовавшись возможностью образованія политическихъ союзовъ, наша группа выступила офиціально какъ „Партія реальной политики“ и обнародовала свою общую программу, составляющую сводъ всѣхъ ея прежнихъ политическихъ принциповъ, приспособленныхъ къ новымъ условіямъ политической жизни[1]).

Партія реальной политики не принимала дѣятельнаго участія въ выборной агитаціи при выборахъ въ I-ую и II-ую Думы, понимая что въ данный моментъ ея кандидаты избранными быть не

---

[1]) „Stronnictwo polityki realnej i jego myśli przewodnie“. (Партія реальной политики и ея основныя начала). Варшава 1906 г. 133 стр.

могутъ. Послѣ роспуска II-ой Думы, народово-демократическая партія предложила другимъ политическимъ группамъ въ томъ числѣ и Реалистамъ принять участіе въ выборахъ въ III-ую Думу на основаніи общаго списка кандидатовъ, составленнаго путемъ соглашенія. Наша партія согласна была послать своихъ депутатовъ въ Думу и примкнуть къ польскому Колу, въ силу принципа солидарности, но только солидарности условной. Мы были готовы войти въ составъ Кола, но какъ особая группа, опирающаяся на собственную политическую программу, основные пункты которой, изложенные въ особой брошюрѣ[1]) слѣдующіе: содѣйствовать осуществленію всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью соціальную реформу въ интересахъ рабочихъ классовъ, но не нарушая принципа частной собственности (земли), и не допуская анархіи въ общественныхъ отношеніяхъ; осужденіе политическаго террора, осужденіе четырехъ-членной избирательной формулы, осужденіе безусловно оппозиціоннаго отношенія къ правительству, признаніе всѣхъ основныхъ факторовъ государственнаго устройства, законодательной и исполнительной власти (Монархъ, законодательныя учрежденія, правительство); наконецъ нами указывалось на необходимость избѣгать представленія въ Думу законопроектовъ, противныхъ основнымъ государственнымъ законамъ.

Партіи, принимавшія участіе въ переговорахъ, заявляли, что онѣ не усматриваютъ въ этой про-

---

[1]) „W sprawie koncentracji stronnictw". (Къ вопросу о совмѣстной дѣятельности партій). Варшава 1907 г. 14 стр.

граммѣ препятствія къ совмѣстной дѣятельности. Однако переговоры о нашемъ (реалистовъ) вступленіи въ Коло не привели къ результатамъ, вслѣдствіе причинъ указанныхъ въ брошюрѣ.

Для характеристики политическаго направленія отмѣчу еще спокойствіе и безпристрастіе, которыя проявляла польская умѣренная печать во все время японской войны, съ самаго ея начала и до конца. По иниціативѣ нашей же группы, сформированъ былъ изъ добровольныхъ пожертвованій польскій санитарный отдѣлъ, отправленный лѣтомъ 1904 года на Дальній Востокъ, гдѣ оказалъ громадную пользу больнымъ и раненнымъ воинамъ безъ различія національности, за что и заслужилъ самыя лестныя одобренія со стороны русскихъ военачальниковъ.

XIII.

1894 годъ и его значеніе въ исторіи польско-русскихъ отношеній. Поѣздка по Царствѣ Польскому кн. Имеретинскаго въ 1897 году. Встрѣча Монарха въ Варшавѣ. „Я вѣрю въ искренность чувствъ поляковъ.“ Настроеніе польскаго общества въ то время. Легенда о преувеличенныхъ надеждахъ.

Таковы политическая программа и политическій обликъ партіи Реальной Политики.

Что-же касается политической ея дѣятельности, то для ея выясненія я долженъ вернуться къ болѣе раннему времени.

1894-ый годъ казался поворотнымъ пунктомъ въ польско-русскихъ отношеніяхъ. Завершилось одно царствованіе, исполненное тяжелыхъ испытаній

и начиналось другое, возбуждавшее большія надежды, пророчившее нашему народу зарю болѣе свѣтлаго будущаго.

На второй же день послѣ вступленія на престолъ Императора Николая II, въ Варшавѣ собрался кружокъ выдающихся гражданъ и обратился къ генералу Гурко съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Затѣмъ составилась депутація изъ двадцати слишкомъ представителей общества и отправилась въ Петербургъ.

Во всемъ этомъ однако было не только одно желаніе выразить вѣрноподданическія чувства молодому Государю, но и политическая идея, та идея, что всякое измѣненіе страшно запутанныхъ польско-русскихъ отношеній должно начаться съ обращенія къ Монарху.

Когда депутація прибыла въ Петербургъ, среди ея членовъ возникла мысль, чтобы, въ виду важнаго историческаго момента, представить адресъ, въ которомъ въ самой почтительной формѣ были бы указаны наиболѣе важные нужды и пожеланія края. Но эта мысль была оставлена. Депутація пришла къ убѣжденію, что въ торжественный моментъ первой встрѣчи съ Государемъ не слѣдуетъ затрогивать ничего такого, что могло бы быть понято какъ желаніе воспользоваться моментомъ для политическихъ цѣлей. И дѣйствительно, польская депутація ограничилась безмолвномъ участіемъ въ общемъ представленіи такихъ же депутацій отъ всего государства. Это обстоятельство характеризуетъ настроеніе, господствовавшее тогда въ депута-

ціи, участниками которой были не одни только т. н. „угодовцы“.

Два послѣдующіе годы 1895 и 1896 прошли спокойно. Всѣ въ краѣ вздохнули свободнѣе. Въ отношеніяхъ правительства къ обществу наступила нѣкотораго рода „*detente*“. Назначенный вмѣсто Гурко гр. Шуваловъ ничего, правда, для края не сдѣлалъ, но въ обращеніи онъ былъ мягче и затѣмъ оказалъ вліяніе на ослабленіе цензуры. Когда онъ по болѣзни оставилъ службу (1896 г.) вся печать отозвалась о немъ почти сердечно[1]). Назначеніе кн. Имеретинскаго и удаленіе Апухтина принято было во всемъ польскомъ обществѣ съ радостью и 1897-ой годъ начался съ самыхъ лучшихъ надеждъ.

Когда въ маѣ 1897 года князь Имеретинскій предпринялъ объѣздъ Царства Польскаго и посѣтилъ всѣ почти губернскіе города и много уѣздныхъ, епископы и священники ожидали его у церковныхъ воротъ, выходили на встрѣчу ему депутаціи гражданъ, выражавшія радость по поводу посѣщенія ихъ представителемъ Государя и подававшія записки о мѣстныхъ нуждахъ. Все, что при этомъ говорилось, было проникнуто самымъ умѣреннымъ тономъ. „Первый гражданинъ края“, маститый Людовикъ Гурскій, во главѣ депутаціи Сѣдлецкой губерніи, убѣжденно говорилъ въ своей рѣчи о „вѣрности и лойяльности“ общества, указалъ на „необходимость полной и истинной законности“ и окончилъ пожеланіемъ, „чтобы всѣ жители нашего края могли пользоваться благодѣяніями справедливости

---

[1]) „Графъ Шуваловъ въ польской печати“. Петербургъ, 1897 г. стр. 35.

и сильной власти, руководимой благородными принципами Вашей Свѣтлости подъ скипетромъ могучаго и славнаго Монарха“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ было получено извѣстіе, что Государь намѣревается къ концу сентября посѣтить въ первый разъ Варшаву. Это извѣстіе произвело на общество сильнѣйшее впечатлѣніе. Тотчасъ же возникаетъ мысль, что кромѣ торжественнаго привѣтствія необходимо собрать путемъ пожертвованій милліонъ рублей и предоставить эту сумму въ распоряженіе Монарха. Образовался комитетъ, состоявшій изъ представителей всѣхъ слоевъ общества, назначены были делегаты во всѣхъ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ, открытъ былъ публичный сборъ пожертвованій. Собирали вездѣ, въ клубахъ, обществахъ, передъ костелами, на базарахъ, такъ что эта сравнительно очень большая сумма была собрана въ теченіи нѣсколькихъ недѣль [1]).

Варшава приготовила Монарху чрезвычайно торжественную встрѣчу. Улицы, по которымъ онъ проѣзжалъ, были роскошно и дхуожественно разукрашены, мостъ на Вислѣ превращенъ въ живую изгородь изъ зелени и цвѣтовъ, на улицахъ выстроены тріумфальныя ворота, обелиски, мачты съ флагами. При въѣздѣ загремѣли всѣ колокола и толпы отозвались привѣтственными несмолкающими возгласами. Вездѣ привѣтсвовали Государя депутаціи духовенства, горожанъ, дворянства, ремесленниковъ и рабочихъ, братства и цѣхи. Всѣ

---

[1]) Какъ извѣстно, собранный милліонъ Государь назначилъ на постройку Политехническаго Института въ Варшавѣ.

спортовыя общества выступили въ полномъ составѣ своихъ членовъ. На улицахъ не было ни полиціи, ни войскъ и никогда еще болѣе примѣрный порядокъ не царствовалъ въ такой массѣ людей, залившей собою почти весь городъ. Вечеромъ Варшава была иллюминована вся,—и уже не по приказу полиціи, а въ силу непосредственнаго сердечнаго порыва.

Вся польская пресса, безъ различія партій, привѣтствовала прибытіе Монарха восторженными и сердечными словами. На другой день во всѣхъ церквяхъ отслужены были торжественные молебни съ гимномъ „Te Deum“ въ благодарность Богу за пріѣздъ Ихъ Величествъ въ Варшаву. Въ Императорскую резиденцію въ Лазенкахъ прибыла депутація, которая устами стоявшаго во главѣ ея маркиза С. Велепольскаго выразила Государю вѣрноподданнѣйшія чувства населенія. Государь въ отвѣтѣ своемъ благодарилъ за встрѣчу и заявилъ, что онъ вполнѣ вѣритъ въ искренность выраженныхъ депутацiей „чувствъ преданности“. Это были слова громаднаго значенія, такъ какъ высказалъ ихъ Монархъ, олицетворяющій и представляющій собою всю государственную власть въ краѣ, управлявшемся доселѣ исключительно на основаніи полнаго „недовѣрія“.

Настроеніе польскаго общества и польской прессы въ эти памятные дни показывало, что пониманіе необходимости примиренія съ государствомъ при предоставленіи намъ возможности культурнаго и національнаго развитія вполнѣ уже созрѣло въ польскомъ обществѣ. Оставалось только правительству сдѣлать шагъ въ смыслѣ реализаціи этой по-

литической мысли, чтобы всю нашу общественную жизнь и вообще отношеніе Польши къ Россіи направить на нормальный путь. Почему оно этого не сдѣлало? Почему эта исключительно важная минута прошла не только безъ всякихъ положительныхъ послѣдствій, но какъ разъ послѣ нея сразу началось прямое ухудшеніе этихъ отношеній? Вотъ вопросъ, на которомъ намъ слѣдуетъ остановиться.

Съ русской стороны, мы слышали что иначе и быть не могло. То, что могла дать Россія, слишкомъ, будтобы, отличалось отъ того, чего ожидало и требовало польское общество. Примирить сколько нибудь и то и другое было будто бы невозможно. Всему, говорили, виновата польская фантазія не считающаяся съ дѣйствительностью: послѣ преувеличенныхъ требованій и ни на чемъ не основанныхъ надеждъ должно было потомъ наступить разочарованіе и огорченіе; послѣ вины — покаяніе.

Но фактической сторонѣ этого объясненія противорѣчатъ — факты.

Въ характерѣ польскаго народа много наклонности къ увлеченію, а потому одна только восторженность съ какою привѣтствовали въ Варшавѣ Императорскую чету—аргументъ еще недостаточный. Но кто тогда былъ въ Варшавѣ, кто только съумѣлъ видѣть и слышать, кто въ этотъ моментъ наблюдалъ толпу—тотъ долженъ признать, что помимо увлеченія внѣшностью необычайнаго торжества, общее настроеніе было весьма серьезное, безъ тѣни преувеличеннаго оптимизма. Удивительно было то именно, что въ этой манифестаціи не было никакого разсчета, что никто не ожидалъ ничего опредѣленнаго и только всѣ сошлись на одномъ, именно:

что необходимо прежде всего чтобы разстаялъ ледъ, отдѣлявшій народъ отъ Престола, что дѣло касается вовсе не тѣхъ или иныхъ пунктовъ или условій какого нибудь договора, но единственно пока кореннаго измѣненія характера отношеній. Передъ моими глазами сейчасъ кипа польскихъ газетъ за эти дни и ни въ одной изъ нихъ я не нахожу даже слѣдовъ „преувеличенныхъ надеждъ" и тѣмъ болѣе „слишкомъ высокихъ требованій". „Въ нашемъ увлеченіи нѣтъ никакихъ иллюзій — писала старѣйшая изъ польскихъ газетъ „Gazeta Warszawska"— никакихъ преувеличенныхъ надеждъ, никакихъ мечтаній. Какъ вѣрноподданные, мы уповаемъ на милость Монарха." „Wiek" —названный незадолго передъ этимъ „Новымъ Временемъ" непримиримымъ польскимъ органомъ —писалъ: „Всѣ наши стремленія клонятся къ тому, чтобы примирить обязанности гражданъ государства съ уваженіемъ къ сокровищу роднаго языка и вѣрѣ предковъ". „Толпы разлились по городу — пишетъ „Dziennik dla wszystkich"—чтобы доказать, что они могутъ и желаютъ исполнять съ преданностью, какъ поляки, свои обязанности по отношенію къ государству и Монарху, чтобы съ вѣрою и надеждой передать въ руки Монарха свою участь и судьбу дѣтей своихъ."

Такъ писали газеты вовсе не „угодовыя".

Что въ польскомъ обществѣ не было преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій, доказываетъ также фактъ, что когда за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Государя въ Варшаву, кн. Имеретинскій объѣзжалъ Царство Польское, то ему былъ поданъ цѣлый рядъ записокъ о нуждахъ края, отъ гу-

бернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ депутацій. Эти записки касались преимущественно экономическихъ вопросовъ: объ урегулированіи сервитутовъ и чрезполосицы, проведеніи дорогъ и т. п.; въ области общественныхъ нуждъ указывали только на необходимость реформы гминнаго самоуправленія, по крайней мѣрѣ точнаго соблюденія Указа 19 Февраля (2 марта) 1864 года, увеличенія числа училищъ, возстановленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія Закона Божья и польскаго языка на польскомъ же языкѣ, и, наконецъ, польскаго преподаванія въ народныхъ училищахъ. Вотъ и все. Таково было содержаніе польскихъ требованій и ни въ одной запискѣ, ни въ одной привѣтственной рѣчи никто не вышелъ изъ этихъ границъ.

Сказка о преувеличенныхъ польскихъ надеждахъ и ожиданіяхъ въ 1897 году должна быть совершенно отброшена при обсужденіи польско-русскихъ отношеній.

XIII.

Небольшія уступки могли-бы укрѣпить тогда „примирительное“ настроеніе общества. Ничего не сдѣлано и ничто не измѣнилось. Послѣдующая политика отсутствія всякаго довѣрія. Усиленіе гнета. Чертковъ. Переломъ въ настроеніи общества подъ вліяніемъ постигшихъ его разочарованій. Польское общественное мнѣніе страстно возстаетъ противъ „угодовцевъ“ и переходитъ на сторону непримиримыхъ.

Если бы русское правительство, точно придерживаясь словъ Монарха, сказанныхъ имъ 17 августа 1897 г. въ Лазенковскомъ Дворцѣ, сдѣлало хоть какой нибудь дѣйствительный, реальный шагъ по этому примирительному пути, то насколько иною

была бы исторія польско-русскихъ отношеній! Достаточно было только ввести тогда необходимыя школьныя реформы, обѣщать введеніе самоуправленія и установить комиссію для пересмотра ограничительныхъ законоположеній....

Ничего этого однако не было сдѣлано; напротивъ, приняты были мѣры, стоявшія въ прямомъ противорѣчіи со словами Монарха, заявившаго, что онъ вѣритъ въ польскія чувства.

Правда, было постановлено, въ извѣстной незначительной степени, ослабить репрессивныя мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни на одинъ шагъ не отступать отъ принципіяльныхъ основъ русской политики въ Польшѣ. Никакого отклоненія отъ системы, никакихъ уступокъ. Руководящимъ принципомъ въ управленіи Царствомъ осталось полное „недовѣріе“ къ польскому обществу.

Уже въ самый моментъ торжественныхъ августовскихъ дней произошли нѣкоторые факты, которые своимъ контрастомъ съ общимъ настроеніемъ общества могли взволновать общественное мнѣніе. Полиція строго наблюдала, чтобы по пути проѣзда Государя нигдѣ не было привѣтственныхъ надписей на польскомъ языкѣ и тщательно ихъ устраняла, какъ будто выраженіе ихъ на родномъ языкѣ не было лучшимъ доказательствомъ, что это не условная форма, но проявленіе искренняго чувства. На второй день послѣ пріѣзда Императорской четы въ городѣ появился слухъ, что административныя власти получили циркуляръ, напоминающій давно уже забытыя и не исполнявшіяся (вслѣд-

ствіе трудности исполненія) распоряженія, чтобы чиновники, имѣющіе дѣло съ публикой, не смѣли разговаривать съ ней по польски...

Исторія слѣдующихъ лѣтъ убѣдила, что эти мелкіе, на сторонній взглядъ, факты были не простою случайностью, какъ могло тогда казаться, а вѣрнымъ проявленіемъ неизмѣнности и непоколебимости политической системы.

Кн. Имеретинскій былъ человѣкъ добрый и благосклонно для края настроенный. Разобравшись въ отношеніяхъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что управлять дальше краемъ тѣми же способами невозможно. Въ запискѣ своей отъ 1898 года онъ повторяетъ многократно „возможно-ли допустить чтобы правительство поддерживало порядокъ въ населеніи только силою штыковъ“ (стр. 37), называетъ обрусительныя тенденціи „туманными“ и несбыточными (стр. 18), утверждаетъ, что если управленіе краемъ попрежнему будетъ опираться только на „репрессивныя мѣры“, то недовѣріе и недружелюбіе польскаго населенія къ русскому правительству будутъ не исчезать а возростать (стр 6).

Князь Имеретинскій все это отлично понималъ, но вывести неизбѣжныхъ заключеній изъ такой принципіальной постановки вопроса не съумѣлъ. Быть можетъ, онъ не обладалъ достаточно широкимъ политическимъ кругозоромъ, или же, не находя поддержки въ административныхъ органахъ края и видя враждебное отношеніе въ Петербургѣ, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы вопросъ о реформахъ поставить смѣло и открыто. Впрочемъ, все это въ настоящую ми-

нуту для нашей темы вопросы второстепенные. Достаточно отмѣтить, что въ докладѣ, представленномъ имъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пребыванія Государя въ Варшавѣ (январь 1898 г.), онъ даже усумниться ни въ одной изъ основъ господствующей системы не дерзнулъ; давно уже созрѣвшій, жгучій вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи затронутъ имъ только слегка, и то въ отрицательномъ смыслѣ.

Самъ, впрочемъ, кн. Имеретинскій въ предисловіи къ своей запискѣ, сразу съузилъ свою программу до возможно малыхъ размѣровъ и этимъ доставилъ центральнымъ властямъ возможность стать въ отрицательное отношеніе ко всѣмъ проэктированнымъ реформамъ. „Не пришло еще время для нововведеній" (устраненіе ограниченій, распространеніе на край общегосударственныхъ учрежденій), пишетъ онъ — „нужно подождать, пока улягуться страсти и пока твердая политика правительства не отрезвитъ этихъ пылкихъ умовъ" [1]). Еще слѣдовательно, мало было „охлажденія" и „отрезвленія", мало „твердости", мало тридцатилѣтняго гнета. Послѣ манифестаціи, свидѣтельствующей о коренномъ переворотѣ въ чувствахъ и политическихъ взглядахъ народа, нужно было эту систему еще продолжать безъ обозначенія срока.

Проектированныя кн. Имеретинскимъ реформы, не смотря на скромные ихъ размѣры, были приня-

---

[1]) Необходимость отрезвленія не могла касаться надеждъ, связанныхъ съ пріѣздомъ Государя. Въ этомъ отношеніи въ то время, когда кн. Имеретинкій писалъ свою записку (январь 1898 года) общество излѣчилось уже отъ всякихъ иллюзій.

ты въ Петербургѣ съ улыбкой снисходительной насмѣшки и ни одна изъ нихъ не была одобрена. Нельзя вѣдь считать единственнаго проекта упорядоченія преподаванія польскаго языка въ училищахъ рѣшеннымъ въ благополучномъ смыслѣ.

Не могло, кажется, представлять ни малѣйшаго сомнѣнія, что польскій языкъ и литература въ польскомъ краѣ, польскимъ дѣтямъ, польскими учителями должны быть преподаваемы на польскомъ же языкѣ, хотя бы только изъ за педагогическихъ соображеній, а ужъ во всякомъ случаѣ часы, предназначенные на уроки польскаго языка, не должны быть употребляемы на усиленіе преподаванія русскаго языка. Между тѣмъ, проектъ стремящійся къ признанію этого принципа, этой истины, этой необходимости, встрѣтилъ такую сильную и страстную оппозицію, что, казалось, дѣло касалось цѣлости и безопасности россійского государства. Послѣ долгихъ колебаній и мытарствъ рѣшено этотъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: „выяснить, что преподаваніе польскаго языка по польски тамъ, гдѣ это признано будетъ необходимымъ по педагогическимъ соображеніямъ, не противится закону“.

Едвали нужно пояснять, что туманная и условная редакція этого заключенія, при извѣстномъ враждебномъ ко всякимъ нововведеніямъ настроеніи мѣстныхъ учебныхъ властей, которыя должны были осуществлять его на практикѣ, ни на шагъ не подвинула впередъ вопроса о преподаваніи польскаго языка.

По возвращеніи кн. Имеретинскаго въ Варшаву и безуспѣшности его проектовъ, все поне-

многу вернулось къ прежней системѣ, столь удобной для бюрократіи и не представляющей никакихъ затрудненій.

Въ доказательство того, что, не смотря на несомнѣнное доброжелательство кн. Имеретинскаго, политическая система въ главныхъ своихъ чертахъ за все время его трехлѣтняго управленія, ни чуть однако не измѣнилась, я приведу нѣкоторыя примѣры.

Благодаря кн. Имеретинскому, край получилъ новый важный путь сообщенія—Варшавско-Калишскую желѣзную дорогу, но при рѣшеніи этого вопроса была сдѣлана слѣдующая многозначительная оговорка: „вмѣнить въ обязанность Министра Путей Сообщенія усиленіе русскаго элемента на этомъ пути".

Въ апрѣлѣ 1898 года изданъ былъ указъ по уніатскому вопросу. Вопреки представленію кн. Имеретинскаго, который въ запискѣ за 1897 г. (стр. 10) проектировалъ реформу въ духѣ большей справедливости, постановлено, что всѣ упорствующіе бывшіе уніаты должны быть признаны православными, даже и ихъ дѣти, и даже въ томъ случаѣ, если окрещены въ католическихъ храмахъ до 1875 года (годъ офиціальной отмѣны уніи и причисленія уніатовъ къ числу православныхъ). Только для дѣтей католиковъ, крещенныхъ передъ 1875 годомъ по католическому обряду, сдѣлано въ этомъ отношеніи исключеніе.

Въ началѣ 1899 года на совѣщаніи Министровъ подъ предсѣдательствомъ Побѣдоносцева приняты были и установлены правила объ употребленіи русскаго и польскаго языковъ, въ частныхъ обществахъ. Правила эти были до того суровы, стѣ-

снительны и неудобны на практикѣ, что почти совсѣмъ не могли быть примѣнены.

26-го Мая 1900 года распространено на Царство Польское постановленіе, обязательное до тѣхъ поръ только въ западномъ краѣ (3 Апрѣля 1892 г.), предоставляющее мѣстнымъ властямъ право налагать помимо суда административныя наказанія (до 300 руб. и 3 мѣсяцевъ заключенія) за тайное обученіе дѣтей.

Въ 1900 г. (11/24 сентября) постановленіемъ Комитета Министровъ предоставлено варшавскому генералъ губернатору право объявлять „обязательныя постановленія“ и налагать штрафы за несоблюденіе этихъ постановленій. Это было равносильно устраненію всякихъ законовъ.

Такимъ образомъ, когда послѣ смерти кн. Имеретинскаго въ ноябрѣ 1900 года рушились послѣднія преграды къ полному развитію обрусительной и репрессивной системы, она начала спокойно одерживать все новыя и новыя побѣды. Преемникомъ кн. Имеретинскаго явился, въ теченіе 20 лѣтъ находившійся не у дѣлъ, ген. Чертковъ,—вѣроятно вслѣдствіе того, что живо было еще воспоминаніе о суровомъ его управленіи въ Кіевѣ и что съ другой стороны, нужно было уже окончательно убить въ полякахъ мечту, что 1897 годъ могъ чѣмъ бы то ни было повліять на измѣненіе правительственной политики. И дѣйствительно, въ Царствѣ Польскомъ ген. Чертковъ нашелъ новое подходящее поле для примѣненія на практикѣ своего излюбленнаго принципа, что „съ поляками слѣдуетъ обращаться безцеремонно, какъ съ врагами госу-

дарства“, и что это единственный способъ разрѣшенія историческаго вопроса. Тогда, воскресли въ школьной области всѣ традиціи и мѣропріятія апухтинскихъ временъ во всей своей силѣ.

Все, слѣдовательно, шло по старой проторенной дорожкѣ, пока не наступила несчастная война, а за ней внутренніе безпорядки и конституція. Все это вмѣстѣ создало новыя условія для общественнаго быта.

Что правительственная политика, начавшаяся тотчасъ же послѣ манифестаціи 1897 года, должна была произвести сильное и пагубное вліяніе на настроеніе польскаго общества и направленіе его мысли — это само собою понятно. Послѣ торжественнаго привѣтствія народомъ новаго Государя, а въ его лицѣ русскаго народа и государства, послѣ перелома, совершившегося въ польскихъ чувствахъ—правительство не сдѣлало изъ этого ровно никакихъ заключеній. Не только ничего не было сдѣлано, чтобы воспользоваться этимъ историческимъ моментомъ и упрочить совершившійся надъ Вислою умственный переворотъ, но напротивъ, прежняя система продолжалась, не исключая даже тѣхъ моментовъ, когда поляки привѣтствовали русскаго Царя возгласами „Niech żyje“, какъ равнымъ образомъ и тѣхъ, которыя наступили потомъ, когда Монархъ, вернулся изъ своей поѣздки проникнутый убѣжденіемъ въ искренности польскихъ чувствъ.

Нельзя было болѣе ярко показать полякамъ, что перемѣна ихъ чувствъ и поведенія по отношенію къ Россіи, ни къ чему не поведетъ и что обманывали ихъ тѣ политики, которые съ трудомъ

и самоотверженіемъ указывали этотъ путь, какъ единственный, ведущій къ цѣли.

Польское общество дѣйствительно почувствовало себя разочарованнымъ, обманутымъ въ своихъ сильныхъ, глубокихъ и святыхъ чувствахъ, оскорбленнымъ въ своемъ самолюбіи. Общественное мнѣніе внезапно и страстно вооружилось противъ „угодовцевъ". На нихъ возложена была вся вина, вся отвѣтственность, какъ на нравственныхъ зачинщиковъ всего политическаго поворота, начавшагося въ ноябрѣ 1894 года и законченнаго въ сентябрѣ 1897 года. Умѣренная партія, вожаки которой совершили несомнѣнно ту ошибку, что въ своей дѣятельности руководились логикой—оказалась разбитою, ея ряды порѣдѣли, она потѣряла всякое вліяніе въ краѣ. Польское общество, какъ больной срывающій въ лихорядкѣ повязки съ ранъ, дало полный просторъ своей горечи и сдѣлалось воспріимчивымъ для той идеи, которая не обѣщала ему близкаго воскресенія, не призывала къ возстанію, но, по крайней мѣрѣ, отрывала его отъ дѣйствительности и обращала его къ внутренней, тайной работѣ надъ возрожденіемъ народа.

Конецъ 1897 года это моментъ возникновенія партіи Народовой Демократіи. Изъ небольшой группы, до того еще тогда безсильной, что соціалисты ставили ей въ упрекъ и величайшую вину, что она не съумѣла въ 1897 году воспрепятствовать дѣятельности „угодовцевъ", а занимала все время выжидательное положеніе, эта партія стала теперь быстро складываться въ могущественное полити-

ческое цѣлое; нѣсколько лѣтъ спустя, перемѣстивъ свой штабъ изъ Галиціи въ Варшаву и создавъ надлежащую организацію, партія Народовой Демократіи стала почти нераздѣльно господствовать надъ умами въ краѣ.

XIV.

(Два недоразумѣнія).

Я долженъ еще нѣсколько остановиться на отношеніи нашей политической группы къ правительству.

Въ Петербургѣ никогда не отдавали себѣ яснаго отчета, въ какихъ условіяхъ можетъ въ Польшѣ жить, дѣйствовать и развиваться умѣренная партія, и отъ чего зависитъ ея вліяніе. Любимая, часто повторяемая фраза русскихъ государственныхъ дѣятелей, та „что правительственная политика въ Польшѣ потому не можетъ измѣниться, что умѣренные элементы не имѣютъ тамъ никакого значенія.

Между тѣмъ изъ всего того, что я разсказалъ выше изъ исторіи польско-русскихъ отношеній послѣднихъ лѣтъ, можно было бы, кажется, сдѣлать иное совершенно заключеніе, можно было бы именно утверждать, что, хотя исповѣдованіе и распространеніе принциповъ и убѣжденій нашей партіи не можетъ зависѣть отъ того или иного направленія правительственной политики, хотя они и должны остаться неизмѣнными, но что наша программа можетъ разсчитывать на распространеніе и наша

партія на вліяніе въ обществѣ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ въ состояніи сослаться на успѣшныя послѣдствія своей дѣятельности и полезныя для края реформы.

Въ политическихъ условіяхъ, въ которыхъ всѣ усилія данной партіи оказываются безуспѣшными, ея вліяніе и значеніе въ обществѣ не можетъ крѣпнуть и развиваться и на это обстоятельство мы считали своей обязанностью обратить вниманіе правительственныхъ сферъ въ запискѣ, представленной министру внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому въ ноябрѣ 1904 года, въ слѣдующихъ словахъ: „Не личныя преимущества, хотя бы наиболѣе заслуженныя, но улучшеніе положенія цѣлаго края, но заботливость по отношенію къ польской народности, языку и вѣрѣ — могутъ всѣмъ людямъ умѣреннымъ и разсудительнымъ дать крѣпость и силу, могутъ вселить во всемъ польскомъ обществѣ убѣжденіе, что путь, избранный ими правиленъ и вѣренъ“.

И тѣмъ не менѣе правительство не только такой заботливости не проявило, но систематически отклоняло ходатайства относительно удовлетворенія даже самыхъ незначительныхъ культурныхъ и національныхъ нуждъ края. [1])

---

[1]) Вотъ примѣръ этого: Наша группа въ концѣ 1904 года старалась получить разрѣшеніе на открытіе научнаго польскаго общества. Съ этою цѣлью отправились въ Петербургъ: Іосифъ Островски, гр. Велепольски, гр. Іосифъ Потоцки и Эразмъ Пильцъ. Мы обратились къ кн Святополкъ-Мирскому и просили его представить нашу просьбу Государю. Однако наши старанія не привели ни къ какому результату. Годъ тому назадъ произошелъ еще болѣе характерный фактъ. Два представителя нашей группы, члены Государственнаго Совѣта, отправились къ предсѣдателю Совѣта Министровъ съ представле-

Всякая, хотя бы и наиболѣе раціонально составленная программа можетъ найти себѣ сторонниковъ только въ извѣстныхъ условіяхъ. Наше значеніе въ обществѣ, наше вліяніе находится въ прямой зависимости отъ того, оказываются ли вѣрными наши положенія, наши указанія и предсказанія т. е. измѣняется ли политика русскаго правительства въ направленіи удовлетворенія нуждъ края, или же она съ прежнимъ упрямствомъ усматриваетъ единственное средство леченія въ репрессивныхъ мѣрахъ. Наиболѣе сильное вліяніе нашей партіи, увеличившееся съ наступленіемъ новаго царствованія, когда все казалось шло къ лучшему, — приходится на 1897 годъ. Тотъ фактъ, что стало возможнымъ образовать комитетъ для привлеченія къ участію въ поднесеніи общенароднаго дара Монарху, что 800 выдающихся обывателей края согласилось быть делегатами и сборщиками этого комитета, что въ спискахъ жертвователей оказалось слишкомъ сто тысячъ лицъ, а собранная сумма достигла милліона,—все это доказываетъ, какое политическое значеніе имѣли тогда въ краѣ „угодовцы". Но достаточно было затѣмъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, полныхъ горестныхъ и чувствительныхъ разочарованій, чтобы это вліяніе вполнѣ уничтожить.

Въ отношеніи правительства къ намъ суще-

ніемъ о необходимости отмѣнить распоряженіе учебныхъ властей, которыя вопреки закону устранили нѣсколько десятковъ поляковъ-учителей исторіи въ частныхъ школахъ въ Царствѣ. Несмотря на это ходатайство и полную обоснованность просьбы, упомянутое распоряженіе было узаконено новымъ формальнымъ постановленіемъ Совѣта Министровъ и учители, которымъ вмѣнялось въ вину единственно ихъ польское происхожденіе, были устранены

ствовало еще одно крупное недоразумѣніе. Во вліятельныхъ правительственныхъ сферахъ отождествляли стремленія „угодовцевъ“ съ полнымъ признаніемъ настоящаго политическаго положенія, по крайней мѣрѣ этого отъ нихъ ожидали и удивлялись, когда такое заключеніе оказывалось невѣрнымъ. Въ Петербургѣ не хотѣли или не умѣли понять того, что, стоя на почвѣ государственнаго единства и государственной солидарности и отличаясь отъ другихъ польскихъ политическихъ группъ единственно инымъ пониманіемъ политическихъ цѣлей и средствъ дѣятельности, мы не отличаемся отъ нихъ въ пониманіи національныхъ и культурныхъ потребностей и не уступаемъ ни одной изъ этихъ группъ въ любви къ отечеству. Возможно ли мириться съ настоящимъ положеніемъ края, т. е. съ гнетомъ, съ исключительными законоположеніями, съ ограниченіемъ правъ нашей народности и языка? Вѣдь противодѣйствіе этимъ ограниченіямъ, стремленіе къ созданію правильной общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ къ урегулированію нашего отношенія къ государству составляетъ весь смыслъ существованія нашей партіи.

Такихъ умѣренныхъ политиковъ, реалистовъ и „угодовцевъ“, какихъ желали бы видѣть нѣкоторые русскіе объединители, нѣтъ въ Польшѣ, а если и существуютъ, то стоятъ совершенно внѣ польскаго общества.

Общія замѣчанія.

XVI.

Несправедливость и ложность тезиса, который оправдываетъ систему русскаго управленія въ Польшѣ поведеніемъ польскаго общества. Обзоръ событій въ Польшѣ за послѣднія 40 лѣтъ.

Какъ указано во вступленіи система русскаго управленія въ Польшѣ можетъ обосновываться на двухъ теоретическихъ положеніяхъ. Первое положеніе: Вы ведете себя враждебно, слѣдовательно, съ вами надо поступать какъ съ врагами. Второе положеніе: русскій государственный интересъ требуетъ той системы управленія, которая примѣняется въ Польшѣ, независимо отъ тѣхъ или другихъ настроеній и чувствъ, отъ такого или иного поведенія поляковъ.

Я старался доказать логическую несостоятельность перваго положенія. Я пытался, смѣю думать, съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, освѣтить ходъ событій въ Царствѣ Польскомъ за послѣднее сороколѣтіе, распутать запутанный клубокъ этихъ событій и расположить ихъ методически въ строгой причинной послѣдовательности. Это

изслѣдованіе привело насъ къ результатамъ, которые укладываются въ историческую картину слѣдующаго рода.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ подавленія возстанія 1863 г. и послѣ окончательной ликвидаціи его, въ то время когда въ странѣ господствуетъ полное спокойствіе, безъ всякаго повода, внезапно и неожиданно начинается обрусительная политика. Еще черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ, послѣ вступленія на престолъ Императора Александра III, послѣ возвращенія къ власти графа Димитрія Толстого, послѣ назначенія Гурко и Апухтина, опять таки во время полнаго спокойствія, безъ всякаго повода, безъ всякой вины со стороны общества, безъ малѣйшаго хотябы слѣда какой либо политической агитаціи, національныя преслѣдованія вдругъ обостряются и пріобрѣтаютъ характеръ какого то неумолимаго ожесточеніи. Потрясенное до глубины души общество дѣлаетъ еще исполинское усиліе, дабы овладѣть раздраженнымъ чувствомъ, дабы сохранить спокойствіе не смотря на систему дѣлавшуюся все болѣе невыносимой, но молодежь, воспитанная въ школѣ, составляющей существенную часть этой системы уже кипитъ; среди студенчества возникаютъ тайные кружки и сообщества, начинаетъ дѣйствовать подпольная агитація, которую объединяетъ въ нѣчто систематическое „Польская лига“. Первыя демонстраціи на улицахъ Варшавы имѣютъ цѣлью „потрясти“ усыпленный, по мнѣнію молодежи, національный духъ. Все это происходитъ пока еще безъ одобренія общества и безъ его участія, даже наоборотъ: не смотря на его рѣшительные протесты.

Наступаетъ перемѣна царствованія. Пробуждаются надежды и чаянія, подъ вліяніемъ которыхъ агитаціонные очаги меркнутъ. Идеи примиренія прокладываютъ себѣ путь въ умы, зрѣютъ и въ 1897 г. достигаютъ высшаго разцвѣта. „Угода" (примиреніе) со стороны поляковъ становится совершившимся, въ области чувства, фактомъ, и государству надо сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы упрочить это настроеніе, чтобы потенціально существующему факту сообщить дѣйствительную мощь. Оно этого не дѣлаетъ. Холоднымъ равнодушіемъ, а вслѣдъ за тѣмъ усиленіемъ обрусенія, оно, какъ струею холодной воды, отвѣчаетъ на порывъ польскаго примирительнаго настроенія. Послѣдствіемъ этого является въ обществѣ окончательная потеря равновѣсія. Большое душевное напряженіе, наблюдавшееся въ дни примирительныхъ иллюзій, должно, какъ всякая накопившаяся энергія, найти исходъ, и оно устремляется прямо въ противоположную сторону, и тѣмъ стремительнѣе, что къ разочарованію присоединяется чувство испытанной обиды и приниженія. Агитація охватываетъ уже не только самые юные и наиболѣе легко воспламеняющіеся элементы, но и широкіе слои городской интеллигенціи, а отчасти также и помѣщиковъ и крестьянство. Шесть лѣтъ продолжается подпольная работа. Настаетъ 1904 годъ, война, революція, преобразованіе государства, а съ ними взрывъ тѣхъ силъ и тѣхъ чувствъ, какія были воспитаны продолжительнымъ угнетеніемъ и преслѣдованіемъ народа.

Этотъ простой перечень причинно связанныхъ

другъ съ другомъ происшествій доказываетъ воочію всю необоснованность и несостоятельность тезиса, который примѣненіе нынѣшней системы управленія въ Польшѣ мотивируетъ поведеніемъ польскаго общества. Принципъ воздѣйствія посредствомъ репрессіи на проявленія враждебнаго настроенія поляковъ могъ бы быть оправданъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эти проявленія и связанные съ ними факты были безпричинны, если бы они обладали стихійными свойствами. Исторія послѣдняго сороколѣтія, а прежде всего 1897 годъ, доказываютъ, что это не такъ. Мы видѣли, что тѣ факты и проявленія національнаго чувства, на которые ссылается репрессивная политика, какъ на свое оправданіе, въ которыхъ она желаетъ видѣть первую и послѣднюю причину репрессіи—были только звеніями въ длинной цѣпи происшествій, что они органически вытекали изъ примѣнявшейся уже раньше системы, какъ ея слѣдствіе, какъ результатъ долголѣтняго политическаго воспитанія народа, въ которомъ роль воспитателя играло правительство. Тезисъ: ты ненавидишь меня, и поэтому я тебя угнетаю — никоимъ образомъ не можетъ быть оправданъ, ибо русское правительство создавало все новые источники этой ненависти. Оцѣнивая поведеніе общества въ эти годы не съ точки зрѣнія политической мудрости и прозорливости, а съ точки зрѣнія элементарныхъ законовъ человѣческой психики, мы должны признать, что общество это вело себя вполнѣ естественно, подъ вліяніемъ тѣхъ условій, среди которыхъ народъ принужденъ былъ жить.

XVII.

Оцѣнка политики русскаго правительства въ Польшѣ съ точки зрѣнія государственной пользы. Идея обрусенія. Полное ея банкротство. Русская школа не обрусила ни одного поляка.

Второй тезисъ признаетъ политику правительства независимо отъ того или иного поведенія общества и ищетъ ея логическаго обоснованія единственно лишь въ интересахъ русскаго государства.

Именно съ этой и только съ этой точки зрѣнія я желаю разсмотрѣть и оцѣнить пригодность этой политики. Я совершенно исключаю вопросы гуманности и справедливости, я не буду ссылаться на племенное родство и на славянскую солидарность, я не буду просить ни сочувствія къ нашимъ страданіямъ, ни внимательнаго отношенія къ нашему благу и счастью.

За единственный и исключительный критерій для оцѣнки я принимаю государственный интересъ.

Желая оцѣнить, каковы должны быть задачи русской политики въ Царствѣ Польскомъ, надо прежде всего уяснить себѣ, каковы были задачи послѣ 1864 г., и каковы были результаты политики, направленной къ ихъ разрѣшенію.

Этихъ задачъ было двѣ:

Первая, которую можно бы назвать *внѣшнею*, состояла: въ сосредоточеніи возможно большаго количества вооруженныхъ силъ на территоріи Царства Польскаго, съ цѣлью обезпеченія русскихъ владѣній въ Польшѣ (задача, облегчаемая необходимостью защиты западной границы вообще), въ уничтоженіи автономіи и всякихъ признаковъ по-

литической самостоятельности края и ихъ замѣнѣ учрежденіями, основанными на самой рѣшительной централизаціи, наконецъ, въ занятіи въ гражданской администраціи возможно большаго количества постовъ, дающихъ, вмѣстѣ со всѣмъ полицейскимъ аппаратомъ, вліяніе, надзоръ и контроль надъ политическою жизнью края.

Вторая задача, которую можно бы назвать *внутреннею*, вытекала изъ стремленія къ духовному завоеванію края. Въ ней скрывалось желаніе не только самымъ тѣснымъ образомъ соединить и слить польскій народъ съ русскимъ государствомъ, но и просто переплавить его въ одно цѣлое съ русскимъ народомъ въ одной государственной лабораторіи.

Способомъ осуществить эту цѣль представлялось—*обрусеніе*.

Апостолы этой доктрины отлично понимали, что нельзя одновременно вести дѣло обрусенія и допускать свободное развитіе и свободный расцвѣтъ польской культуры. Дабы чужіе элементы могли быть введены въ польскій національный организмъ и ассимилированы имъ, собственныя творческія силы этого народа слѣдовало убить окончательно. Правительство прекрасно отдавало себѣ отчетъ въ томъ, что, безъ одновременнаго ослабленія духовныхъ силъ общества, объ успѣшномъ привитіи руссификаціонной лимфы нечего и думать.

Обрусеніе, какъ конкретная цѣль усилій государственной политики, было установлено, какъ выше указано, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ возстанія; лѣтъ десять спустя оно приняло характеръ безпощадной суровости и ожесточенія; нынѣ, по

слѣ нѣкотораго ослабленія, оно опять усиливается, питаемое новымъ притокомъ энергіи, какую представляетъ изъ себя возрастающее націоналистическое теченіе.

Но не всѣми и не во всѣ періоды своего дѣйствія обрусеніе понималось одинаково.

Самая необузданная фантазія диктовала мечты о совершенномъ претвореніи польской души въ русскую. Болѣе „реальные умы“ ставили себѣ задачу болѣе скромную и, казалось, легче осуществимую. Предполагалось полу-обрусеніе, обрусеніе внѣшнее, предполагалось стереть съ лица страны и общества самыя яркія черты ихъ самобытности. Эту цѣль предполагалось достигнуть путемъ перегражденія всѣхъ источниковъ творческаго культурнаго труда народа — путемъ введенія русскаго языка не только во всѣ присутственныя мѣста и государственныя учрежденія, но и въ различныя области общественной жизни, а прежде всего и главнымъ образомъ—путемъ обрусенія школы и просвѣщенія.

Школа — это самое цѣнное достояніе народа, основа и условіе культурной цѣнности народа, очагъ, гарантирующій непрерывность и прочность великаго дѣла національной культуры, эта школа по плану правительства должна была быть главнымъ орудіемъ духовнаго покоренія польскаго общества. Эта мысль, какъ извѣстно, была рѣшительно и недвусмысленно выражена во всѣхъ соотвѣтствующихъ правительственныхъ актахъ и документахъ, эта мысль составляла суть системы, была idée maitresse политической философіи русска-

го правительства въ Польшѣ. На засѣданіяхъ Комитета Министровъ, съ удовольствіемъ повторялись слова Винэ, что „у кого въ рукахъ школа, у того и власть надъ душами". Школа должна была рѣшить вопросъ о будущности русскаго управленія у насъ, поэтому-то она и подверглась захвату и вопреки увѣренію Югенхеймскаго манифеста, что школа никогда не станетъ служить орудіемъ политики, именно изъ нея былъ сдѣланъ самый сильный, самый утонченный, самый чувствительный инструментъ политическаго воздѣйствія.

Она имѣла передъ собою двѣ задачи: Она должна была научить польское общество русскому языку, познакомить его съ русскою литературою, исторіею, жизнью, государственнымъ строемъ. Это были задачи педагогическія и до того безспорныя, что, какъ выразился одинъ изъ нашихъ депутатовъ въ засѣданіи Государственной Думы, если бы польскому обществу было запрещено обучаться русскому языку, оно бы обучалось ему тайно, въ полномъ убѣжденіи, что это знаніе ему совершенно необходимо. Но, кромѣ этой педагогической задачи и передъ нею стояла другая задача—политическая: передѣлать и пересоздать душу ребенка, научить его думать и чувствовать по русски, смотрѣть съ русской точки зрѣнія на свое прошлое и настоящее, вкоренить въ него русскій патріотизмъ, привязанность къ государству и династіи — вотъ что было главною и высшею цѣлью школы.

Достигнута ли эта цѣль?

Среди нѣсколькихъ десятковъ тысячъ молоде-

жи, прошедшей черезъ эту громадную лабораторію передѣлки душъ, можно ли указать хоть на одинъ примѣръ, доказывающій успѣшность метода, хоть на одинъ случай, чтобы польскій юноша подчинился обрусенію, отказался отъ единенія со своимъ народомъ, проникся русскимъ патріотизмомъ?

Обрусительная школа достигла результата, прямо противоположнаго намѣченному.

Юноша выходилъ изъ нея, правда, усвоивъ русскій языкъ, но, съ момента оставленія школьныхъ стѣнъ, порывалъ всѣ соединяющія его съ этимъ языкомъ нити, съ негодованіемъ отбрасывалъ всякую русскую книгу, ибо она, въ теченіе ряда лѣтъ, была для него орудіемъ пытки, проникался отвращеніемъ къ русской культурѣ, какъ къ чужой и враждебной ему. Это было явленіе вполнѣ понятное, если мы примемъ во вниманіе создавшія его причины; тѣмъ не менѣе, это было явленіе патологическое, намъ же самимъ приносившее вредъ, лишавшее насъ возможности знакомиться съ сокровищами русскаго духа и имѣть духовное общеніе съ русскимъ народомъ при посредствѣ его литературы и печати.

Результаты второй части этой воспитательной системы—воспитанія чисто политическаго — я обстоятельно разсмотрѣлъ въ другомъ мѣстѣ, указывая на то, что оно доставило государству полное разочарованіе. Лишь какъ на характерную черту, я долженъ указать на фактъ, что всѣ выдающіеся польскіе дѣятели, какъ соціалистическіе такъ и національно революціонные, вышли изъ русской шко-

лы, и что наоборотъ, между вождями общественнаго и національнаго радикализма, не было и нѣтъ ни одного воспитанника польской Главной Школы, которая просуществовала всего семь лѣтъ (1862—1869) но которая выпустила поколѣніе записанное золотыми буквами въ исторіи умственной жизни народа, той Главной Школы, воспитанники которой въ 1863 г. во время самаго сильнаго напряженія нервовъ и чувствъ, сумѣли одержать надъ собою умственную побѣду, противустали всеобщему теченію и не приняли участія въ возстаніи. Апухтинская школа выпустила иной матеріалъ. Молодежь поступала въ университетъ въ самомъ радикальномъ настроеніи и самая статистика польскихъ тайныхъ обществъ въ Варшавскомъ Университетѣ доказываетъ, что за все время Апухтинскаго режима молодежь дѣлилась только на двѣ группы: на радикаловъ націоналистовъ и на радикаловъ соціалистовъ при крайне небольшомъ процентѣ спокойныхъ, умѣренныхъ или индиферентныхъ. Когда же раздался призывъ къ польской школьной забастовкѣ, когда появилась возможность порвать связи съ казенною школою, молодежь разорвала узы и обратилась въ поголовное, стихійное бѣгство изъ ея стѣнъ.

Достойно вниманія, что, приступая въ 1867 г. къ полному обрусенію школьныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ, тогдашнее правительство какъ будто совсѣмъ забыло объ опытахъ, сдѣланныхъ въ томъ же направленіи въ періодъ между возстаніями 1831 и 1863 г., опытахъ, которые привели къ полной неудачѣ. Оче-

видно объ этомъ и хотѣли забыть, думали, кажется, что если въ Николаевскія времена цѣль не была достигнута, то случилось это потому, что средства были выбраны несоотвѣтствующія ей. Надо дѣйствовать болѣе умѣло, болѣе систематически, суровѣе, безъ колебаній и безъ пощады — и результатъ будетъ несомнѣненъ.

Предостерегающій голосъ Милютина раздавался уже въ пустынѣ. Затыкали уши, чтобы не слышать его. „Въ теченіи сорока лѣтъ“—пишетъ Милютинъ въ своей докладной запискѣ Императору Александру II—„мы цѣлыя поколѣнія польскаго народа обучали по русски, мы знакомили ихъ съ могуществомъ и со славою нашего отечества, съ историческими бѣдствіями Польши, однако наша наука не передѣлала ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей вырабатываются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не одной лишь школы“.

Слова Н. А. Милютина прозвучали даромъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ—и опять началась попытка передѣлывать человѣческую душу и опять по истеченіи тридцати лѣтъ, балансъ заключается съ тѣмъ же большимъ минусомъ и съ тѣмъ же разочарованіемъ.

Въ 1890 г. ген. ад. Гурко констатируетъ въ своей докладной запискѣ, что русская правительственная школа въ Царствѣ „привела къ результатамъ прямо противоположнымъ ожидаемымъ правительствомъ“. То, что въ ней происходитъ, „не вызываетъ въ ребенкѣ любви къ Россіи, но наоборотъ, заставляетъ его, съ самаго нѣжнаго возра-

ста, ненавидѣть все, что въ лучшее время его жизни причинило ему столько тяжелыхъ обидъ, заставило его пролить столько горькихъ слезъ“.

Такъ говорилъ суровый правитель Царства Польскаго. Прошло еще семь лѣтъ, и офиціозный авторъ „Очерковъ Привислянья“ (1897) опять резюмируетъ результаты русской школьной политики въ Польшѣ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Дѣло воспитанія молодежи, такъ какъ оно поставлено въ Привисляньи, не только не способно приблизить моментъ духовнаго сліянія Польши съ Россіею, но наоборотъ—оно его отдаляетъ“ (стр. 380). „Не измѣнивъ характера мѣстной интеллигенціи, мы только искуственно умножили количество людей, враждебно настроенныхъ“ (стр. 305). „Привить народу чужія ему идеи и чужую культуру—невозможно“ (стр. 333).

Князь Имеретинскій въ своей Всеподданнѣйшей запискѣ 1898 г. потверждаетъ разногласіе между школою и семьей, недовольство первою въ польскомъ обществѣ, болѣе того — ожесточенную ненависть, недовѣріе и презрѣніе.

Таковы были, по офиціальнымъ свидѣтельствамъ, результаты теоріи обрусенія польскаго народа при помощи школы.

XVIII.

Идея Милютина о привлеченіи польскаго крестьянства на сторону правительства. Принципъ „divide et impera“ оказался ошибочнымъ. Сельское населеніе не удалилось, а приблизилось къ народу.

Имѣть въ рукахъ школу составляло одно изъ главныхъ стремленій обрусительной политики; другое желаніе и другая задача заключалась въ томъ, чтобы захватить въ свои руки польское крестьянство.

Равнодушное въ цѣломъ, а иногда даже недоброжелательное поведеніе польскаго крестьянства во время возстанія, внушило Милютину мысль, что на этотъ слой общества правительство можетъ опереться, основывая на немъ въ будущемъ свое политическое вліяніе въ краѣ. Теорія Милютина состояла въ томъ, чтобы посредствомъ благодѣяній, какъ матеріальнаго такъ и нравственнаго свойства, привлечь къ себѣ польскаго крестьянина, пріучить его къ солидарности съ государствомъ. Съ этою цѣлью онъ не только провелъ надѣленіе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ землею, но осуществилъ эту реформу до такой степени въ пользу крестьянъ, какъ нигдѣ, въ остальной части государства. Сельское населеніе получило широкое гминное управленіе съ польскимъ языкомъ, выборный польскій судъ, польскую народную школу, бдительное и заботливое покровительство своему экономическому быту.

Преемники Милютина пошли далѣе въ своихъ желаніяхъ и чаяніяхъ. Они не удовлетворялись привлеченіемъ польскаго крестьянина на сторону

государства, они сверхъ того пожелали отдѣлить его отъ иныхъ слоевъ общества, отъ остальной части народа, поставить его въ явный антагонизмъ съ нею. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ правительство пребывало въ томъ удивительномъ заблужденіи, что эта цѣль вообще осуществима. Но уже въ запискѣ князя Имеретинскаго за 1897 г. приводятся доказательства, что польскій мужикъ не только не сталъ равнодушнымъ къ своему народу, не только начинаетъ жить и чувствовать заодно съ нимъ, но даже становится податливымъ къ политической агитаціи. Въ всеподданнѣйшей запискѣ князь Имеретинскій заявляетъ, что „революціонная пропаганда" съ успѣхомъ улавливаетъ крестьянина въ свои сѣти, въ чемъ убѣждаютъ „жандармско-полицейскія дознанія" (стр. 4). Послѣднія иллюзіи разсѣялись въ 1904 и 1905 гг., когда польскій крестьянинъ сталъ очевидно на сторону народовцевъ, когда тюрьмы стали переполняться его братьями, когда на гмины и села пришлось налагать высокіе штрафы за сопротивленіе власти и антиправительственную дѣятельность и когда при выборахъ въ Государственную Думу все сельское населеніе Царства Польскаго отдало свои голоса кандидатамъ національно-демократическаго лагеря.

Какимъ образомъ произошла вся эта метаморфоза?

Преемники Милютина, нетолько пренебрегли заботою о матеріальномъ благосостояніи [1]) польскаго

---

[1]) „Слишкомъ поспѣшно было предрѣшено, что крестьяне должны быть безгранично и навсегда вѣрны русскому правительству

крестьянина, но, что несравненно важнѣе, взялись за постепенное урѣзываніе правъ, признававшихъ его національную обособленность. Самоуправленіе было ограничено и надъ немъ тяжело повисла рука начальника уѣзда и даже земскаго стражника. Польская школа была отнята у народа и замѣнена механическимъ и насильственнымъ обученіемъ крестьянъ государственному языку. Оффиціальные опекуны крестьянства и стражи его классовой обособленности — крестьянскіе комисары гордились тѣмъ, что не знаютъ языка этого народа [1]). Отъ вліянія на выборъ сельскихъ учителей, признаннаго законодательнымъ путемъ (въ 1864 г.). крестьянинъ устраненъ (1885). Католическій священникъ изъ школы изгнанъ. Обрусительная политика такимъ образомъ въ своихъ стремленіяхъ добралась до послѣдняго низшаго и наиболѣе широкаго слоя народа[2]).

(тогда какъ они даже въ шестидесятыхъ годахъ были только благодарными ему) и отъ этого недоказаннаго предположенія, правительство самоувѣренно перешло къ состоянію полнаго спокойствія, продолжающагося слишкомъ 20 лѣтъ". (Всеподданнѣйшая записка князя Имеретинскаго, 1897 г. стр. 3).

[1]) Въ протоколѣ Комитета министровъ отъ 6 (19) Іюня 1905 г., мы читаемъ слѣдующее: „Среди крестьянскаго населенія нерѣдко высказывается недовольство тѣмъ, что коммисары по крестьянскимъ дѣламъ. не зная польскаго языка, зачастую не могутъ понять истиннаго смысла тѣхъ просьбъ и ходатайствъ, съ которыми къ нимъ обращается мѣстное населеніе".

[2]) Чтобы доказать, что въ моихъ словахъ нѣтъ преувеличенія, я приведу два мѣста изъ оффиціальнаго документа, напечатаннаго въ 1899 году въ типографіи варшавскаго ген.-губернатора, записки о состояніи школьнаго дѣла въ Царствѣ („Историческій очеркъ школьнаго дѣла и т. д.), тамъ мы читаемъ на стран. 23—27: „Съ назначеніемъ затѣмъ (при бывшемъ Попечителѣ Варшавскаго Учебнаго Округа Сенаторѣ Апухтинѣ) во многія училища преподавателей русскаго происхожденія, мало ознакомленныхъ съ польскимъ языкомъ, этотъ пред-

Не было предусмотрѣно, что крестьянинъ, поставленный въ лучшія матеріальныя условія благодаря земельному надѣлу и проходящій школу самоуправленія, будетъ развиваться и дальше и что, по мѣрѣ этого развитія, различія, отдѣляющія его отъ другихъ слоевъ общества, вмѣсто того, чтобы углубляться, будутъ естественнымъ образомъ сглаживаться.

Не было предусмотрѣно далѣе, что, лишая крестьянина права учиться на родномъ языкѣ, съ русскимъ языкомъ его не сблизишь, а наоборотъ заставишь обратиться къ тайному обученію польско-

метъ фактически почти совершенно вытѣсняется изъ программы преподаванія, что начинаетъ вызывать парѣканія со стороны крестьянъ, которые, не чуждаясь русскаго языка и даже стремясь къ его изученію, тѣмъ не менѣе желали бы видѣть своихъ дѣтей знающими и родную грамоту". „Цѣлый рядъ жалобъ, поступившихъ въ Генералъ-Губернаторское Управленіе, освѣтилъ истинное положеніе дѣла, его темныя стороны. Оказалось по произведеннымъ разслѣдованіямъ, что переимѣнованіе большинства сельскихъ училищъ въ гминныя произведено вопреки желанію гминныхъ сходовъ, съ явнымъ нарушеніемъ закона, подъ давленіемъ администраціи, причемъ приговоры сходовъ фабриковались въ канцеляріяхъ гминныхъ и уѣдныхъ управленій, подписи сходчиковъ замѣнялись самою администраціею крестами съ обозначеніемъ фамилій по находящемуся въ гминномъ управленіи списку сходчиковъ, имѣющихъ право голоса. Въ пылкомъ увлеченіи дѣломъ бывали случаи, когда подъ такими сфабрикованными приговорами помѣщались фамиліи лицъ, давно умершихъ, а лица осмѣливавшія заявлять какіе либо протесты по поводу незаконнаго составленія приговора, подвергались въ административномъ порядкѣ взысканіямъ, аресту и отдачѣ подъ надзоръ полиціи. Школа въ глазахъ крестьянъ потеряла свое обояніе, перестала быть популярною. Школьное дѣло, какъ бы застывъ въ опредѣленныхъ рамкахъ, на время перестало развиваться. Ошибки прежнихъ дѣятелей стали иногда вызывать даже со стороны крестьянъ холодное и враждебное отношеніе въ школѣ а такъ какъ населеніе здѣшняго края, довольно развитое, живое и воспріимчивое, не могло обходиться безъ школы, то мѣсто училищъ правительственныхъ начинаютъ занимать школы тайныя, направляемыя въ совершенно нежелательномъ духѣ".

му. Крестьянинъ желалъ просвѣщенія, но именно такого просвѣщенія въ какомъ онъ нуждался; когда государство отказало ему въ этомъ, онъ взялъ его изъ тѣхъ рукъ, которыя его несли ему сами.

Методъ не оправдалъ надеждъ. Планъ осчастливить польское населеніе, вопреки его вѣковымъ традиціямъ и волѣ, не далъ никакихъ результатовъ.

Наконецъ не было предусмотрѣно, что репрессіи, примѣняемыя къ другимъ слоямъ общества, найдутъ среди крестьянской массы живой откликъ, что онѣ станутъ могилою принципа „divide et impera", орудіемъ, которое сравняетъ, сблизитъ и сроднитъ всѣ части общества.

Такъ была разбита окончательно другая обрусительная иллюзія.

Существовали также иллюзіи, хотя и не столь значительныя, и относительно рабочаго класса. Еще въ 1897 г. авторъ „Очерковъ Привислянья" пишетъ о польскомъ рабочемъ, что онъ „въ сущности космополитъ и вполнѣ чуждъ національно-польскихъ тенденцій". „Всѣ его мысли направлены въ улучшенію матеріальнаго благосостоянія".

Казалось, что это равнодушіе можно будетъ успѣшно поддерживать и далѣе. И, дѣйствительно, правительство враждебно и ревниво слѣдило за всѣми проявленіями сближенія рабочихъ съ предпринимателями и, гдѣ могло, препятствовало этому сближенію, что видно было напр. изъ затрудненій, дѣлаемыхъ при утвержденіи рабочихъ кассъ вспомоществованія. Фабричные инспектора, дѣйствовав-

шіе въ этомъ духѣ, получали почти такія же инструкціи, какъ и комисары по крестьянскимъ дѣламъ: не препятствовать развитію классоваго антагонизма. Однако и здѣсь жизнь выступила со своимъ неизбѣжнымъ коррективомъ. Польскій рабочій, поскольку онъ не завербовывался на службу красному знамени въ одной изъ трехъ соціалистическихъ фракцій (Польская соціалистическая партія, Соціальдемократическая партія и Бундъ), сталъ фанатикомъ, наполняющимъ десятками тысячъ лагерь „Національнаго рабочаго союза".

XIX.

Обрусительная система не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, а лишь неудачи. Денаціонализація была праздной мечтой всегда и вездѣ.

Я не касаюсь другихъ сторонъ обрусенія. Тѣхъ, которыя я разобралъ уже, слишкомъ достаточно для доказательства той истины, что вся система окончилась безусловно неудачею. Обрусеніе не удалось, ибо, хотя оно и затормозило развитіе польской культуры, хотя сдѣлало нашу почву безплодною, само оно не дождалось жатвы отъ своего посѣва. Общество не только не потеряло своего національнаго и политическаго сознанія, но даже дошло въ немъ до состоянія гиперэстезіи.

Иначе и быть не могло.

Въ человѣческихъ ли силахъ денаціонализировать народъ? Мыслимо ли это въ частности по отношенію къ таковому народу, какъ польскій, народу съ полнымъ славныхъ страницъ историчес-

кимъ прошлымъ, съ богатою индивидуальностью, къ народу, который не только хочетъ жить, но и обладаетъ неизсякаемыми источниками этой жизни.

Но оставимъ на минуту трагическую путаницу польско-русскихъ отношенiй. Откроемъ книгу исторiи, взглянемъ на широкую ниву человѣчества съ ея безконечнымъ разнообразiемъ расъ, племенъ, языковъ. Сколько разъ уже испытывала крушенiе надежда на возможность убить народъ!

Въ теченiе семисотъ лѣтъ — въ семъ разъ больше того, сколько продолжается связь польскаго народа съ Россiею, — великое и могущественное государство усиливалось поглотить маленькую Ирландiю. Смѣнялись времена, системы, династiи, но гнетъ продолжался изъ поколѣнiя въ поколѣнiе. У угнетаемыхъ былъ отнятъ языкъ въ то время, когда такое явленiе было еще возможно, но чувства нацiональной обособленности никакая сила не могла истребить. Ирландiя живетъ, и вотъ на нашихъ глазахъ она совершаетъ нѣчто по сiе время неслыханное въ исторiи, она, по истеченiи цѣлыхъ столѣтiй, возвращается къ старому, забытому языку, отъ котораго уцѣлили лишь маленькiе островки.

Изъ подъ ига, продолжавшагося полъ тысячи лѣтъ, не потерявшими своего нацiональнаго сознанiя вышли Грецiя, Болгарiя, Сербiя. Казалось, что чешскiй народъ погибъ подъ Бѣлой Горой, когда вся знать была перебита, когда огнемъ было истреблено все заключенное въ библiотекахъ духовное

достояніе народа, когда на улицахъ Праги замеръ послѣдній звукъ чешскаго слова. И вотъ изъ пепла, воскрешенный какимъ то чудомъ, народъ возродился и въ одно полустолѣтіе своею культурою, своимъ политическимъ сознаніемъ, своимъ патріотизмомъ достигъ того, что сталъ въ первыхъ рядахъ славянства.

Четырехсотъ лѣтъ не хватило, чтобы онѣмечить Силезію, совсѣмъ оторванную отъ національнаго ствола; теперь она болѣе польская, чѣмъ когда либо. Надъ денаціонализаціею В. К. Познанскаго уже цѣлое столѣтіе работаетъ прусское государство, не только ни передъ чѣмъ не отступающее, не только прибѣгающее къ напряженному и утонченному гнету, но и вліяющее всею силою своей высокой культуры — однако официальная статистика показываетъ не ростъ а уменьшеніе нѣмецкаго элемента. Въ 1867 г. въ Познанской провинціи насчитывалось 49% нѣмецкаго населенія, а по переписи 1905 г. только 38%. Велико-польскіе города, послѣ столѣтнихъ германизаторскихъ усилій, являются нынѣ болѣе польскими, чѣмъ они были во времена Рѣчи Посполитой.

Денаціонализація Поляковъ въ Россіи не удалась, она не удалась и не могла удасться, ибо, по словамъ нашего Сташица, — „умереть можетъ только народъ никуда негодный“. И обрусеніе и усилія, направленныя къ обезсиленію культуры въ Польшѣ, и попытки раздвоенія народа—все это роковымъ образомъ не привело ни къ чему. Вся громадная работа правительства могла бы въ конечномъ итогѣ похвалиться лишь однимъ конкретнымъ результа-

томъ: она сдѣлала въ Польшѣ новый мятежъ невозможнымъ. Но этотъ успѣхъ ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что, совершенно независимо отъ какой бы то ни было системы правленія, при нынѣшнемъ развитіи военнаго искусства, возстанія стали вообще анахронизмомъ, и нѣтъ политической партіи, которая не понимала бы этого. Слѣдовательно — никакихъ реальныхъ результатовъ—однѣ лишь иллюзіи. И если иллюзорною была идея обрусенія послѣ 1863 г., то на сколько же болѣе иллюзорною является она теперь, когда государство переживаетъ процессъ внутренняго преобразованія на конституціонныхъ началахъ, а общее національное сознаніе польскаго народа, не исключая низшихъ классовъ, возросло въ сильной степени.

Неуспѣхъ обрусенія констатировалъ уже Комитетъ Министровъ въ своемъ Высочайше утвержденномъ положеніи отъ 6/19 Іюня 1905 г., указывая на невозможность достиженія обрусительныхъ цѣлей. Мнѣніе его гласитъ дословно:

„Такая задача по отношенію къ народу, долгое время жившему самостоятельною жизнью, издавна пріобщившемуся къ западно-европейской культурѣ, создавшему при помощи послѣдней свою самобытность и развившему до высокой степени свой языкъ и литературу, не осуществима. Трудно указать, какія мѣры могли бы принудить утратить свою національность семимиліонный народъ, сплошною массою проживающій на территоріи Привислянскаго края, на которой представители другихъ національностей не достигаютъ значительной численности“.

А если денаціонализація и обрусеніе являются несбыточною мечтою, то не слѣдуетъ ли съ точки зрѣнія государственной мудрости отказаться отъ всѣхъ тѣхъ путей и средствъ, которыя ведутъ къ неосуществимой цѣли?

XX.

Заключеніе.

Программу урегулированія польско-русскихъ отношеній несомнѣнно можно основать на заключеніяхъ, вытекающихъ изъ анализа этихъ отношеній, сдѣланнаго мною. Несомнѣнно должна найтись формула, согласующая интересы государства съ интересами польскаго народа, разграничивающая сферу дѣятельности государственной отъ общественной и сферу государственнаго языка отъ сферы мѣстнаго. Равнымъ образомъ нельзя сомнѣваться, что въ самомъ больномъ вопросѣ — школьномъ—можно создать формулу, соединяющую въ себѣ двѣ необходимости: съ одной стороны необходимость не только изученія русскаго языка, но и ознакомленія со всей умственной жизнью народа, съ которымъ мы должны жить, а также строя этого государства, въ которомъ мы должны жить, а съ другой стороны необходимость справедливаго удовлетворенія нуждъ національнаго просвѣщенія.

Но время для такой положительной программы еще не пришло. Можно ли говорить о подробныхъ

условіяхъ мирнаго сожительства, если вокругъ насъ происходитъ упорная и безжалостная борьба съ нашей національностью и культурой, если вѣра въ спасительность системы репрессій не ослабѣла, а обрусеніе не перестаетъ быть для правительства реальной политической цѣлью, очевиднымъ мотивомъ его дѣйствій и источникомъ его ближайшихъ плановъ.

Поэтому, пока въ русскомъ самосознаніи не произойдетъ переломъ и не укрѣпится убѣжденіе, что настроеніемъ польскаго общества не долженъ быть оправдываемъ гнётъ, ибо оно является въ значительной степени слѣдствіемъ этого гнета, что обрусеніе Польши является несбыточной мечтой а стремленіе къ нему даже вреднымъ для самаго государства, до тѣхъ поръ всѣ разсужденія на тему *modus vivendi* будутъ безплоднымъ и безцѣльнымъ дѣломъ.

Вслѣдствіе этого я посвятилъ настоящій трудъ не теоретическимъ, програмнымъ умозаключеніямъ а историческому изслѣдованію причинъ, которыя вызвали нынѣшнее положеніе и привели польскій вопросъ въ Россіи къ той „мертвой точкѣ", на которомъ онъ остановился. Я стремился доказать, что лишь въ освѣщеніи историческихъ фактовъ, находящихся въ причинной связи другъ съ другомъ можно понять сдѣланныя ошибки и найти путь къ выходу.

Дойдетъ ли мой голосъ до тѣхъ сферъ, къ которымъ я обращаюсь, къ тѣмъ факторамъ, которые теперь вліяютъ, или завтра могутъ повліять на теченіе государственной жизни—я не знаю, не

забѣгаю впередъ и, приступая къ моему труду, я этого въ разсчетъ не принималъ. Моимъ перомъ руководила не надежда, которую злые вихри разрушаютъ какъ паутину, но старая максима: „*fais ce que dois, advienne que pourra*“.
